

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Введение

Предметом данного пособия является история зарубежной (Ближний Восток и Западная Европа) литературы с древнейших времен до наших дней.

Составителю хотелось показать неразрывную связь самых современных произведений с самыми архаическими, прямую зависимость современников от классиков, а классиков от тех "безымянных" авторов, имена которых не донесла до нас история.

Но прежде всего ответим на вопрос, что же такое литература. Само это слово греко-римского происхождения. Первоначально оно обозначало употребление письменных знаков для записывания мыслей и фактов. Римляне "литератором" называли грамматика, круг действий которого не ограничивался изучением языка, но охватывал также изучение поэтических произведений. В средние века под словом "литература" понимали также грамматику, причем изучение литературы входило в состав науки риторики. Ныне литература в самом общем смысле трактуется как совокупность в осязаемом выражении посредством языка, письма или печати произведений духовной деятельности человека.

Таким образом, история литературы имеет целью внести определенную критическую оценку и некий порядок в огромную массу произведений человеческого духа. А в нашем случае еще и наметить какие-то основные, магистральные пути ее развития.

Поскольку деятельность человеческого духа за известную нам четырех-пятитысячелетнюю историю совершенно необозрима, неизбежно жертвовать многим и многим, причем, не всегда даже в пользу лучшего и совершенного, но часто во имя выявления этих самых магистралей.

Нам придется идти по главной дороге, не сворачивая на таинственные, прелестные лесные тропинки, какими бы заманчивыми они ни казались, либо иной раз сойти с дороги и пройти по кажущейся скучной и обыденной деревенской улице, если именно эта улица в конце концов вновь выведет на дорогу, которая теперь покажется немислимой без открытий, совершенных на проселочном пути. А ведь как жаль было пропустить величественное здание, открывавшееся взгляду именно тогда, когда мы сворачивали на проселок!.. Что делать - он в данном случае важнее!

И еще необходимо сказать: литература - не первое и не последнее достижение человеческого духа. Ведь есть и религия и философия, и скульптура, и музыка, и живопись, и архитектура, и многое другое, чем неизбежно приходится заниматься всякому, кто связывает свою жизнь с гуманитарной деятельностью, да и просто всякому грамотному человеку.

Кстати, что это такое - гуманизм, гуманитарная деятельность? Латинское слово *humanus* означает "человечный, человеческий", выражает признание ценности человека как личности, его самоценности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественного бытия.

Французское слово *humanitaire* (от латинского - *humanitas*) в точном смысле переводится как человеческая природа, образованность; означает причастность к человеческому

общественному бытию и сознанию. Гуманитарные науки - общественные науки в отличие от точных и естественных наук.

Мы все время говорим об образованности, не так ли? Тогда что такое образованность? Умение читать, писать и считать? Так. Но образованными, грамотными людьми были многие тираны, убийцы и подлецы в истории человечества. Образованными людьми, безусловно, были те, кто составлял анонимный пасквиль, сведший в могилу гордость русской поэзии А.С. Пушкина, образованными были и те, кто навсегда изгонял из родной Флоренции величайшего поэта нового времени Данте Алигьери, писателями ("писателями!") были те, кто затравил еще совсем недавно Бориса Пастернака... Таких людей А.И. Солженицын однажды хлестко припечатал метким словом "образованщина".

Высшая цель этого труда, как высшая цель воссоздания в стране гимназий, лицеев и академий как раз и заключается в том, чтобы растить гуманитариев, а не образованщину. И если юные читатели этой книги заинтересуются, пойдут в библиотеки и в книжные магазины, дабы прикоснуться к Культуре, составитель ее будет считать свою цель достигнутой.

Еще раз вернемся к выбору, который нам предстоит сделать, остановившись на время перед огромной панорамой всемирной литературы.

Поскольку Россия - евразийская страна, поскольку, начавшись, возможно, достаточно самостоятельно, ее литература к зрелому возрасту приобрела европейские черты, поскольку также религия наша - вдохновительница едва ли не всего лучшего в мировой и русской культуре - христианство, т.е., в общем, тоже явление скорее европейское, во всяком случае, принесенное нам греко византийской церковью, учитывая и совершенную глобальность плюс оторванность от европейской магистрали восточных религий и культур, мы с вами ограничимся литературой европейской, истоком имеющей ближневосточные корни, а значит, вначале познакомимся с культурой вавилонско-иудейского региона.

На справедливый вопрос: а как же древнеегипетская литература? - возможен только такой ответ: влияние ее на европейскую относительно невелико, и мы, за исключением редких моментов, каждый раз указываемых отдельно, обращаться к ней не станем. Однако, первый такой момент имеет смысл указать уже сейчас. В русской поэзии со времен Державина очень популярна тема нерукотворного памятника. Знаменитое стихотворение римского поэта Горация "Eregi monumentum..." переводилось и перепевалось у нас много раз, но не все знают об авторе подлинника и почти никто - об истинном первоисточнике. А он - в Древнем Египте.

Вот что написано в одном из папирусов конца III тысячелетия до н.э. (произведение это известно под названием "Поучение фараона своему наследнику"): "Подражай отцам своим и предкам своим... Не будь злым, прекрасно самообладание. Установляй памятник свой расположением к себе. Будь умельцем в речи... Сильней речь, чем любое оружие...". Сравните эти строки древнеегипетского папируса со знаменитыми пушкинскими "Я памятник воздвиг себе нерукотворный...", и вы лучше, чем с помощью любых убеждений, почувствуете неразрывную связь древности и современности, бесконечность этой цепи, этой великой реки, которая называется литературой.

Общаясь преимущественно с литературой художественной, нам неизбежно придется говорить об истории, философии, театре и искусстве, пусть не так много, как нужно и как хотелось бы, но придется, иначе многое в самой литературе окажется лишенным смысла. И оттого же, даже в рамках европейской литературы, многое нам придется опустить, в частности, жанр классического романа XIX в, как из-за обширности самого жанра, так и в немалой степени потому, что программа по русской словесности предусматривает подробное изучение русского классического романа, безусловно впитавшего в себя роман европейский, да, пожалуй, и превзошедшего его.

И все же, несмотря на неизбежные обширные лакуны, знакомясь с историей литературы, мы познакомимся и с идеальной человеческой историей, ибо литература являет собой высшее проявление человеческого духа, лучшее и прекраснейшее приобретение его культурной работы.

Об этом приобретении нам и предстоит дальнейший разговор. Но для начала мне хочется сказать вам то, что редко говорят учителя на уроках. Беда в том, что русская словесность, при всем ее величии, во всяком случае классика наша, чрезвычайно тенденциозна. Тенденциозность, собственно, и есть главная магистраль русской классической литературы, настолько, что даже самый тонкий и изящный лирик Афанасий Фет считал своим долгом сочинять "манифесты" чистого искусства. Манифест - какое уж тут искусство! Таким образом, само чистое искусство в нашем исполнении волей-неволей воплотилось в носителя какой-либо тенденции.

В мировой же литературе все обстоит не так однозначно. Давайте попытаемся представить себе всю словесность в виде одной мощной реки, и тогда, присмотревшись, сможем отчетливо увидеть по меньшей мере две ее составляющих.

Первая - это, как говорил Маяковский, "река по имени "факт"". Вторая - литература игры, или "зазеркалье", как определил бы Льюис Кэрролл. Ну, с "рекой по имени "факт"" все достаточно ясно. Это литература реалистическая, любимица чуть не всех наших классиков от Пушкина до Шолохова. Хотя, оговорюсь, Пушкин не столь однозначен. Вспомните хотя бы его "Гробовщика" или "Пиковую даму".

А что же "зазеркалье"? Если реалистическая литература есть правдивое описание истинной жизни и ее быта, т.е. зеркальное отражение того, что видит глаз писателя, то... Представим себе зеркальное отражение дерева, отразившееся в другом зеркале, в третьем, в четвертом... В результате получим нечто совсем новое, совсем другое дерево, некое небывалое, фантастическое дерево. Предмет из литературы Зазеркалья. Из физики всем известно, что даже одно зеркало дает отражение предмета в перевернутом виде, так сколько же раз повернется, перевернется предмет в отражениях отражений!

Еще совсем недавно советская критика пренебрежительно отзывалась о такой игровой, зазеркальной, фантазмагорической литературе, противопоставляя ей реализм как некий единственно правильный метод отражения действительности, забывая (или делая вид, что забывает) о том же "Гробовщике" Пушкина, о чертовщине Гоголя, наконец, о булгаковском "Мастере и Маргарите"... А Достоевский, твердый реалист? Всем известно, сколь многому научился у Достоевского великий модернист Франц Кафка, превративший своего героя на глазах читателя из обычного мещанина в омерзительное огромное членистоногое. И что же? Разве герои Достоевского, вечно плывущие в какой-то вязкой зимней субстанции сонного Петербурга (об этом прекрасно написано в книге Д.Л. Андреева "Роза мира"), так уж

реалистичны? Добавлены еще одно-два зеркала... Внимательный читатель поймает автора на противоречии: только что говорил о тенденциозности русского реализма - и вот на тебе - у него уж и Пушкин с Достоевским какие-то мистические фантасты. Это так, ибо две составляющие единого потока мировой литературы, почти никогда не являются нам в оторванном друг от друга виде. Подобно лермонтовским, обнявшимся, будто две сестры, струям Арагвы и Куры, литературы "факта" и "Зазеркалья" неразлучны, неразрывны, неразделимы, во всяком случае, в литературе художественной - главном предмете наших бесед.

В фантастике XX века есть поджанр - "fantasy", сказка. Произведения эти основываются, как правило, на средневековом европейском фольклоре, на старой популярной теории множественных параллельных времен-миров на Земле. Что такое эти миры, как не зеркальные отражения отражений действительности? И что такое сама реальность, как не отражение высшей, идеальной, божественной реальности? Так считал еще древнегреческий философ Платон.

Но если современные писатели-фантасты безусловно знакомы с его учением, то как же тогда безымянные авторы старинных сказок и легенд, ну, например, про любимую нами с детства Аленушку, глядящую в зеркало вод на братца своего Иванушку? Что же, сказители эти тоже Платона читали? Да они и грамоту-то вряд ли знали. А ведь со сказок, с мифов, собственно, и началась мировая литература, читай культура, читай само человечество.

Мы с вами попытаемся во всем этом разобраться, прикоснемся к началу начал, к мифологии древних шумеров и вавилонян, увидим, где берут начало оба эти русла - реалистической и фантастической литературы. И, может быть, с удивлением обнаружим, что исток у них всего один, что в древних книгах, а значит, и в древнем сознании, реальное не отрывалось от фантастического, что самые первые герои самого первого известного нам эпоса "О все выдавшем", созданного человеческим гением более четырех тысяч лет назад, - реальный человек, герой и правитель Гильгамеш и его друг - человеко-зверь, в некотором роде, искусственное создание, правда, еще не человеческих, как в романе Мэри Шелли "Франкенштейн", а божественных рук, - Энкиду.

Мы узнаем о реальной истории древних иудеев и прочтем первый реалистический "роман" об Иосифе Прекрасном в "Ветхом Завете", поймем и отличим реальное от фантастического в творениях Гомера, с удивлением обнаружим, что великий реалист Шекспир в "Макбете", например, выступает как заправский сказочник, а отъявленный сказочник Х.-К. Андерсен, в сущности, глубоко лирический и печальный реалист (вспомним ту же "Девочку со спичками"), едва ли не больший реалист, нежели любой автор русской "натуральной" школы.

Мы узнаем, что романтизм изобретен вовсе не на рубеже XVIII-XIX веков, а много-много раньше, узнаем это, побывав за Круглым столом рыцарей короля Артура и заглянув в излюбленный всеми фантастами волшебный ("яблочный город") Авалон, никогда не существовавший, но живой уже полторы тысячи лет, город, куда уходят для вечной жизни в радости и довольстве павшие герои, где и по сей день живет и здравствует король Артур; мы узнаем, кто такие эльфы и что за создание Оберон, о волшебном роге которого писал Валентин Катаев и которого безуспешно искали герои знаменитого цикла романов Роджера Желязны "Янтарные хроники".

Пройдя этот путь, мы сможем по достоинству оценить реалистического фантаста Франсуа Рабле и фантастического реалиста Дж.Р.Р. Толкина, понять, почему М.Ю. Лермонтов говорил о себе: "Нет, я не Байрон...", постичь, в чем заключается секрет популярности Владимира Высоцкого и Александра Грибоедова, таких, казалось бы, разных и далеких, а на поверку, возможно, очень и очень близких авторов.

Наконец, мы поймем, чем отличается жизнь от мифа. Поймем и вновь запутаемся, и уже не будем знать, что жизнь, а что миф, ибо великое море литературы внесло в наше сознание странную истину: это одно и то же. Жизнь есть миф, миф есть мир - расскажут нам Толстой и Гомер, Библия и Толкин и даже, как ни странно, детектив. Любители авантюрных книг в духе Дюма узнают, кто написал первый авантюрный роман, а зачитывающиеся фантастикой поймут, что идеи едва ли не всей новейшей фантастики давным давно подарили миру древние греки и кельты. Мы поймем и оценим потрясающую глубину выражения "ничто не ново под луной" и своеобразную справедливость мысли о том, что в литературе со времен Евангелий ничего нового не создано. И только приняв, что главный вопрос в художественной культуре не "что?", а "как?", мы вдруг убедимся, что стали настоящими читателями, читателями-профессионалами, теми, для кого пишутся книги, и почувствуем в себе не образованщину, а образованность, любовь к прекрасному, расположение к людям и человечеству, тот самый гуманизм, с которого мы и начинали нашу первую беседу о мировой художественной литературе.

Древняя Месопотамия. Язык. Письменность. Миф

В Библии рассказывается о четырех реках, текущих из Рая. Две из этих рек называются Тигр и Евфрат. Именно здесь, в междуречье Тигра и Евфрата, примерно в VI тысячелетии до нашей эры возникла одна из первых, известных нам, цивилизаций - шумеро-аккадская.

Прежде чем начать рассмотрение ее основных черт, зададимся вопросом: а что такое цивилизация вообще? Термин этот произошел от латинского слова *cives*, что означает "гражданин", или *civiles* - гражданский, *civitas* - гражданская община, город. Энциклопедический словарь определяет цивилизацию как синоним культуры, уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры, ступень общественного развития, следующую за варварством.

Не вдаваясь в подробности исторических истоков народов древности, скажем только, что племенам земледельцев и скотоводов, освоившим эти территории, жилось несладко. Реки Тигр и Евфрат протекают через зону пустыни. Климат здесь тяжелый, в степных участках почти так же жарко, как и в пустынных, и без искусственного орошения земледельчество невозможно. В то же время реки периодически разливаются, наводняя и заболочивая большие пространства. Посевы либо выгорают, либо затапливаются. Деревя здесь практически нет, только тростник; нет и камня, пригодного для изготовления орудий, ни, тем более, металла. В то время, когда соседи уже освоили медь, этим народам приходилось ее выменивать.

Что же они могли дать взамен? Рабов, изделия из глины... А после того, как освоили ирригацию, хлеб. Это была первая великая победа человеческой культуры - создание искусственных водохранилищ, откуда в период засухи несколько раз в году отводилась вода на поля. Видимо, с этой победы и появляется возможность говорить о цивилизации.

Небольшой экскурс в историю был нам необходим для того, чтобы повести речь о языке. Почему? Потому что язык не только средство общения людей между собой, но и потому что язык еще и знаковая система, т.е. письменность, а на позднейших стадиях развития человечества - литература, предмет этого пособия.

Но пока еще до литературы далеко. Пока происходит следующее. У шумеро-аккадских племен появляется избыток хлеба, высвобождается рабочая сила, ведь на полях теперь могут работать уже не все. Высвободившиеся наиболее обеспеченные группы людей занимаются совсем иными делами: служением культам, политическими трудами, торговлей и обменом, ремеслами и пр. Происходит, таким образом, разделение на классы.

Создается цивилизация, у которой для подсчета, обмена информацией и т.п. возникает необходимость в письменности. И в то же самое время, если еще не раньше, потребность в письменности возникает у жрецов, служителей культа, поскольку храмовые хозяйства с древнейших времен были наиболее богатые, развитые и, значит, особо нуждающиеся в учете, контроле, т.е. в некоей знаковой системе. Первоначально (примерно около 3000 г. до н.э.) письменность возникла как система своеобразных рисунков и лишь спустя 500 - 600 лет приняла упорядоченную систему.

Как вы знаете из истории Древнего мира, письменность этого региона носит название "клинописи", поскольку осуществлялась посредством нанесения на сырые глиняные дощечки (потом обжигавшиеся) значков тростниковыми палочками, в результате приобретающими наклонный, клинообразный вид.

История прочтения, расшифровки древневавилонского письма очень интересна и имеет почти детективный сюжет. Отвлечемся ненадолго от истории Древней Месопотамии и вспомним, кто и как открыл миру ее культуру. Для начала несколько слов об одном неаполитанском купце XVII века, жившем примерно в то же время, когда действуют герои мушкетеры А. Дюма, Пьетро делла Балле, прозванном земляками Il Pellegrino - пилигримом. В свое первое путешествие Пьетро отправился, кажется, со злости, разобиженный тем, что родственники выдали его нареченную замуж за другого. Поехал он, естественно, в Иерусалим, ко гробу Господню. Далее, уже по зову сердца, он направился в Венецию, Константинополь, Каир, в Месопотамию, в Сирию и Иран. Что встречал он на своем пути? Пиратов, дикость, грязь, болезни... Но и приключения, интриги, знакомства, дружбы. В Месопотамии он влюбился и женился, но вскоре после свадьбы испытал новый удар судьбы: его жена умерла. Четыре года возил Пьетро ее тело с собой, пока не попал в Неаполь и не похоронил жену в семейном склепе. В Южной Персии увидел наш купец грандиозные руины древности. Бродя среди развалин, он заметил на кирпичках странные, загадочные знаки, похожие на отпечатки птичьих когтей. Пьетро сделал оттиски этих значков и привез их в Европу, где сразу же разгорелся спор о том, что же это такое: письменность или просто орнамент. Пьетро считал, что письменность. Он высказал по тем временам удивительную догадку, что клинопись нужно читать слева направо, т.к. острия горизонтальных клиньев всегда направлены в правую сторону.

Между прочим, те развалины, что увидел Пьетро, оказались Персеполем - древней столицей персидских царей, в руины же обратил ее сам Александр Македонский. Дальнейшая жизнь Пьетро делла Балле для нас неинтересна, разве что отраден факт его последней женитьбы на грузинке, с которой было у них четырнадцать сыновей.

В начале XIX века в немецком университетском городке Гёттингене (помните : "...Владимир Ленский, с душою прямо геттингенской...") жил чудаковатый учитель греческого и латыни местного лицея, страстный любитель всякого рода шарад и ребусов Георг Фридрих Гротефенд.

В 1802 г. он впервые увидел клинописный текст из Персеполя и поклялся друзьям в пивной, что расшифрует его. Друзья же только посмеялись над учителем, поскольку многие до него пытались это сделать, но безуспешно. Однако Гротефенд был человеком упрямым. Он заметил, что обычно персепольские надписи делятся на три столбца. Может быть, решил учитель, это какая-то одна и та же надпись на трех языках?

Античные авторы более-менее подробно освещали в своих трудах историю Ближнего Востока, и филологу было известно, что персидский царь около 540 г. до н.э. захватил Вавилонское государство. Тогда, возможно, одна из надписей сделана на древнеперсидском языке. Но какая? Гротефенд рассудил, что средняя, ведь персы победили. Далее, среди значков дважды повторялась во всех трех колонках одна и та же комбинация, и сообразительный учитель пришел к выводу, что она может сообщать царский титул. Получалось: царь (слово) - имя царя (слово) - неизвестное слово А - царь (слово) - имя царя (слово) - неизвестное слово Б. Значение этого слова напрашивалось само собой: СЫН. Тогда надпись следует читать: царь - имя царя - сын царя - имя царя - сын - неизвестное слово Б. Но перед последним неизвестным словом не было царского титула.

Или гипотеза неверна, или?.. Человек, носивший это имя, не был царем, но находился в родстве с обоими царями, а коли тот и другой цари - его потомки, значит, одному из них он должен быть отцом, а другому - дедом.

Получалось: царь - имя царя - сын - царь - имя царя - сын - имя перса. Теперь нужно было найти такого перса, который, не будучи царем сам, имел бы царями сына и внука. Гротефенд перерыл античных историков и нашел-таки. Персидский князь Гистасп имел сына Дария, царя с 521 по 486 г.г. и внука Ксеркса, царя с 486 по 465 г.г. до н.э., известного тем, что он пытался завоевать Грецию. Текст теперь звучал так: царь Ксеркс, сын царя Дария, сына Гистаспа.

Однако это было еще не все. Имена-то Гротефенд почерпнул у грека Геродота, а как они звучали по-персидски? Гротефенд вновь зарылся в книги, на сей раз в священное писание персов - "Авесту". Ее язык должен был быть (и оказался) близок древнеперсидскому. А там имя Гистаспа звучало то как Кистап, то как Густасп, то как Витасп, то вообще как Гошп...

В результате Гротефенду покорились девять алфавитных знаков. Тридцать четыре года спустя, используя его находки, немец Лассен, француз Бюрнуф и англичанин Роулинсон окончательно дешифровали алфавит.

Генри Фредерик Роулинсон начал свою карьеру юнгой на английском паруснике, курсировавшем между Великобританией и Индией. Во время одного из рейсов он приглянулся губернатору Бомбея сэру Джону Малькольму. Шестнадцати лет от роду, в 1826 году, он перешел на службу в пользовавшееся дурной славой акционерное общество, получавшее баснословные прибыли за счет ограбления Индии. Вскоре Роулинсон получает офицерские эполеты, в 1833 г. он уже майор и занимает должность инструктора персидской

армии. Еще через шесть лет он политический агент Англии в Афганистане, далее - консул в Багдаде, член британского парламента, посол в Тегеране.

Неправда ли, сногшибательная карьера? А ничего странного, если знать, что все это - ширма, за которой скрывался самый настоящий Джеймс Бонд XIX века, ас английской разведки, в руках которого были сосредоточены нити едва ли не всех политических интриг Востока. Именно он сеял вражду среди азиатов против России, с успехом продолжая дело Тегерана и Лондона после убийства Грибоедова.

И тем не менее удивительная карьера - еще не все. А в нашем случае и вовсе не главное. Не менее удивительно было хобби Роулинсона: параллельно с Гротефендом и совершенно ничего о нем не зная, Роулинсон точно таким же образом расшифровал ту же надпись плюс еще несколько знаков алфавита. Авантюрный роман его жизни и увлечений блестяще рассказан польским писателем Зеноном Косидовским в книге "Когда солнце было богом" (М.: Наука, 1991), к которой составитель отсылает любознательного читателя, а мы с вами должны знать о Роулинсоне главное. Он сумел доказать, что один и тот же знак в ассирово-вавилонском письме мог обозначать как букву, так и слог и даже целое слово.

Это открытие поставило в тупик лингвистов. Как же проникнуть в тайну древнего письма?

Помощь пришла от археологов. Как раз в это время француз Ботта раскопал около сотни глиняных табличек, оказавшихся фрагментами древней энциклопедии. На них параллельными столбцами давались рисунки предметов, их названия на вавилонском языке и клинописные чертежи, обозначающие их фонетическое звучание. Эти таблички позволили дешифровать 200 знаков ассирово-вавилонского письма.

Среди археологов нужно назвать имя еще одного сотрудника британской разведки Остена Генри Лэйярда, раскопавшего руины Ниневии - столицы Ассирии. Благодаря усилиям археологов и лингвистов наука теперь хорошо знает историю древнейшей цивилизации шумеров. В большинстве случаев ученых выручало даже не столько знание, сколько использование блестящего шерлокхолмсовского метода дедукции.

Так, скажем, Леверье и Адамс в конце XIX века с помощью этого метода открыли новую планету (Нептун) в Солнечной системе, в начале XX века американец Ловелл таким же образом вычислил Плутон. В 1869 году Д.И. Менделеев опубликовал таблицу 63-х химических элементов и предсказал появление новых, еще не известных, что подтвердилось сто лет спустя. Немецкий естествоиспытатель Геккель во второй половине XIX века высказал предположение о том, что должно существовать промежуточное звено между человекообразной обезьяной и человеком, и в 1892 году голландский врач Дюбуа находит на Яве останки скелета питекантропа. Так же было предсказано (да не историками, а лингвистами!) существование в древности шумеров. Каким образом?

В ассирово-вавилонском письме, как мы уже упоминали, одни знаки имели характер пиктографический, другие алфавитный, третьи - обозначали целые слоги, т.е. превратились в фонетические символы. Это единовременное сосуществование натолкнуло лингвистов на мысль, что перед ними система длительного и медленного развития. Значит, был в седой древности исчезнувший народ, который и...

В 1877 г. французский шпион (везет шумерологии на шпионов!) Эрнест де Сарзек нашел у подножия кургана статую, выполненную в совершенно неизвестном стиле, с 1888 по 1890

г.г. американцы Петерс, Хайнес и Фишер раскопали город Ниппур, столицу религиозного культа Шумера, а в 1922 году англичанин Вулли сделал ряд сенсационных открытий в древнем Уре, городе библейского Авраама. Более того, там извлекли из земли поселения эпохи неолита, основанные неизвестными народами задолго до шумеров.

И несколько слов еще об одном англичанине, Джордже Смите. Он был скромным, бедным гравером в государственном монетном дворе в Лондоне. Человек выдающихся способностей, Смит из-за бедности родителей не смог получить достойного образования. Однажды Британский музей, приступив к изданию альбома "Клинописные тексты Западной Азии", доверил Смицу изготовление типографских клише. А ему вдруг стало интересно и захотелось научиться эти тексты читать. 26-летний Смит публикует свой первый труд по ассирологии, моментально превративший его из безвестного самоучки-любителя в общепризнанный авторитет. Смита назначают на должность ассистента египетско-ассирийского отдела Британского музея. Там в подвалах хранилась найденная Лэйярдом и Рассамом библиотека Ашшурбанипала: таблички, наполовину перебитые, запыленные и т.д. Но Смит их прочитал! И понял, что перед ним - древнейший в мире эпос, месопотамский Гомер. В 1872 году Смит перевел эпос и... растерялся: Ветхий Завет, до того непогрешимый источник человеческих знаний об истории Востока - не что иное, как позднейшая компиляция шумерских мифов. Правда, в рассказе Утнапишти о всемирном потопе недоставало многих табличек... На четыре месяца Смит едет в Месопотамию, в невероятных приключениях находит еще три тысячи табличек и в том числе 380 обломков с недостающей частью рассказа Утнапишти. Четыре года спустя во время третьего путешествия на Восток гениальный лингвист стал жертвой эпидемии холеры и умер на тридцать шестом году жизни. Однако дело свое успел завершить.

Открытия Смита и других ученых - лингвистов и археологов - принципиально изменили точку зрения науки на происхождение нашей культуры. Еще в начале XIX века ученые считали, что культурой мы обязаны грекам, у которых она возникла якобы совершенно неожиданно, подобно тому как возникла из головы Зевса Афина Паллада. К концу столетия были открыты цивилизации Египта, Крита и Вавилона, отодвинувшие на три-четыре тысячелетия колыбель культуры, и кто знает, может быть, какое-то время спустя новые открытия отодвинут ее еще дальше, подарив нам новые возможности для вдохновения и творчества.

Однако возвратимся в Древнюю Месопотамию и поговорим теперь о языке. Здесь, собственно, два языка - шумерский и восточноеврейский. Шумерский рано отмер, а восточноеврейский, или аккадский, или вавилоно-ассирийский дал много ответвлений: арабский, иврит, новоарамейский, ряд языков Эфиопии, в т.ч. Тигре, родной язык Ганнибала, того самого арапа Петра Великого... На этом-то, аккадском, или вавилонском, языке и был создан тот эпос, прочтению и переводу которого посвятил жизнь Джордж Смит.

Но прежде чем начинать разговор об эпосе, следует несколько слов сказать о том, без чего любое древнее произведение немислимо. Вся без исключения древняя литература начинается с "мифа". Что же такое миф? Однозначного ответа на этот вопрос нет, различные источники дают разные, подчас взаимоисключающие ответы. Попробуем разобраться, суммируя различные утверждения.

Энциклопедический словарь сообщает: миф - это рассказ, повествование о богах, героях, демонах, духах и пр., отражающее представления, часто фантастические, людей о мире, природе и человеческом бытии. Иными словами, миф - это способ, форма объяснения человеком мироустройства и самого себя.

Однако, как уже было сказано, не все разделяют это мнение. Кто-то считает мифы просто суеверными, скучными по умственному и духовному содержанию, сказками, кто-то полагает, напротив, что мифы есть глубочайшее достижение человеческого ума и духа, вдохновенные творения сознания, открытого для великих космических прозрений, ныне же сокрытых для современного человека, скованного бездушной логикой. Иные считают миф просто произносимым обрядом религиозного ритуала, а кто-то, даже и из самих служителей культа, придерживается словарного определения.

Одно можно сказать уверенно: миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. И здесь надо заметить, что всякое современное мнение относительно возможных причин образования мифов в принципе недоказуемо, т.к. современный человек вряд ли способен повторить мыслительный процесс древнего.

Попробуем теперь еще раз возможно полнее повторить определение мифа. Миф есть осмысление мира и эмоциональное вживание в его явления, это факт мироощущения, но не жанр словесности. Миф лишь принадлежит к словесности в том смысле, что он не только отражает взаимоотношения человека с внешним явлением, но и выражает их в словесной форме или даже в сюжетном произведении. Природное или общественное явление эмоционально воспринимается и подается в этом высказывании как действие или состояние божества. При этом Бог является для его творца - человека - не художественным образом, а реально, телесно мыслимым существом.

Интересен и вопрос (с точки зрения материалистической, разумеется) о происхождении самих божеств. Всякое объективное закономерное природное явление неизбежно воспринималось первобытным человеком как целесообразное или по крайней мере целенаправленное, т.к. человек воспринимал чаще всего явление, имеющее значение для его жизни и деятельности. Значит, закономерное явление - прежде всего явление либо в доброжелательном, либо в зловредном смысле направленное на человека. Так, видимо, объяснял себе человек стоящую за этими явлениями (дождь, засуха и т.п.) волю. Воля же предполагает ее носителя - живое и мыслящее лицо - божество.

В большинстве случаев мифы всех народов можно разбить по крайней мере на две большие группы:

- 1) мифы о мироздании;
- 2) мифы о смерти.

В мифологии переплетаются два вида человеческой деятельности: наука, т.е. познание свойств объекта, и искусство, т.е. познание нашего отношения к объекту. И нужно помнить, что всякий объект вызывает у нас какие-либо эмоции, так что если миф, облеченный в художественную форму в позднейшие времена, предстает перед нами как произведение искусства и вызывает в нас эмоции, значит миф жив, жива культура, жив народ, создавший его. И мы, живущие сегодня, эмоционально сопереживая мифологическим преданиям древности, тем самым осуществляем непрерывную связь времен, несем в себе

биологическую, культурную продолжающую духовную основу человеческого рода от почти недоступных нам древних египтян до поэтов и мыслителей сегодняшнего дня. Мы сами - звено в этой нескончаемой цепи времен и цивилизаций.

Вопросы к главе первой

1. Что такое цивилизация? Какие цивилизации Древнего Востока вы знаете?
2. Каким способом писали древние шумеры?
3. Что такое миф?

Древняя Месопотамия. Мифология и эпос

Начнем с краткого изложения основных мифологических существ и ряда сказаний древнего Шумера.

Главные боги этой культуры следующие:

ЭНЛИЛЬ - бог воздуха, бог-отец, царь неба и земли,

ЭНКИ - бог воды,

НИНХУРСАГ (или НИНМАХ, НИНТУ) - богиня-мать,

НИНУРТА - бог южного ветра,

НАННА-СИН - бог Луны,

МАРТУ - бог кочевников,

И наиболее популярная пара - богиня ИНАННА (ИШТАР) и ее супруг, бог ДУМУЗИ (ТАММУЗ).

Обитают боги в раю, который называется ДИЛЬМУН.

Энлиль отделил небо от земли, взрастил семя полей, произвел на свет все полезное, изобрел мотыгу и даровал ее черноголовым (людям), сотворил все злаки, установил изобилие и т.д. Все боги стараются получить его благословение. Согласно разным мифам, в город Ниппур, где располагался храм Энлилю, отправляются за благословением то Энки, то Нанна-Син.

Однако власть Энлиля далеко не безгранична. Так, до сотворения человека, Энлиль, будучи еще юношей, силой овладел богиней и своей невестой Нинлиль, за что был схвачен семеркой других богов и изгнан в подземное царство. Нинлиль, беременная Нанна-Син, последовала за Энлилем, что сильно обеспокоило будущего отца, ведь их сыну предназначалась власть над крупнейшим из светил - Луной, а он будет вынужден обитать в мрачной преисподней вместо небес. На пути из Ниппура в преисподнюю Энлиль встречает трех младших божеств, одно из которых несомненно выполняет роль шумерского Харона, перевозчика по реке мертвых. Энлиль поочередно принимает их облик и зачинает с Нинлиль трех божеств подземного царства. Эти боги и послужат выкупом за их старшего брата, который таким образом получает возможность возвратиться на небеса.

Очень любопытны мифы об Энки, о том, как он установил порядок во вселенной. Вот один из них.

В Дильмуне (который современными историками отождествляется либо с Сомали, либо с Индией), чистой, непорочной и светлой стране живых, не знающей ни болезни, ни смерти, недостает одной малости: не хватает пресной воды. Поэтому бог воды Энки приказывает богу солнца Уту наполнить рай водой. Дильмун превращается в божественный сад. В этом саду великая мать Нинхурсаг (вероятно, мать-земля) выращивает восемь полезных растений. Любопытному Энки очень хочется отведать их, и его посланец, двуликий бог Шимуд крадет эти растения и приносит Энки. Тот съедает злаки, и разгневанная Нинхурсаг изрекает ему смертельное проклятие. А чтобы не смягчиться, не передумать, она скрывается из собрания богов.

Здоровье Энки ухудшается с каждым днем, восемь его главных органов (по числу съеденных растений) поражены тяжелейшими недугами. Боги в ожидании смерти Энки и в знак траура, рыдая, сидят в пыли. Энлиль явно не способен справиться с ситуацией, и тогда к богам обращается с речью... лисица. Если боги достойно вознаградят ее, лиса берется доставить Нинхурсаг назад. Каким образом лиса справляется с этим, неизвестно, т. к. недостает соответствующей таблички с текстом. Нинхурсаг усаживает Энки у своего лона и производит на свет восемь божеств-исцелителей, после чего Энки возвращается к жизни.

Что здесь для нас наиболее интересно? Безусловно, параллели с Эдемом, библейским раем, расположенным, как и Дильмун, на востоке, дающим начало четырем рекам, в т.ч. Тигру и Евфрату. Скорее всего, Дильмун и есть первоначальный Эдем. В Дильмуне рождаются и живут боги, и матери производят их на свет без мук и боли (помните проклятие Евы?).

Наконец, явная параллель: возмездие Энки за съедение заповедных растений и возмездие Адаму и Еве за плод с Древа познания в Эдеме. Но еще любопытнее вот какой момент: одно из пораженных мест у Энки - ребро. Божество женского пола, созданное Нинхурсаг для излечения ребра, зовется Нин-ти, что означает "госпожа ребра". Кроме того, "ти" - пошумерски еще значит "давать жизнь", следовательно, Нин-ти можно перевести как "госпожа ребра, дающая жизнь". Не правда ли, как это все напоминает Еву, праматерь рода человеческого, первую женщину, созданную из ребра своего будущего мужа?

Среди многочисленных шумерских сказаний есть и миф об Энки и Нинхурсаг, рассказывающий о сотворении человека из глины, что также непосредственно отсылает нас к сотворению Адама.

Имеется и миф о Нинурте, боге ураганного южного ветра, содержащий мотив об убийстве дракона. Значит, многие и многие сказки и фантастические романы берут начало тоже здесь.

Значительный ряд мифов группируется вокруг честолюбивой, энергичной, темпераментной и требовательной богини любви Инанны (Иштар) и ее супруга, бога-пастуха Думузи (Таммуза). Кстати, Иштар примет непосредственное участие в судьбе главных героев эпической поэмы древних вавилонян "О все выдавшем", с которой мы и начнем, собственно, знакомство с шедеврами мировой литературы. А пока расскажем один из популярных мифов о ней.

После долгого и ожесточенного спора с богом-земледельцем Энкимду, угроз применить силу, Думузи добывается руки Инанны, не предполагая при этом, что брак с ней приведет его к гибели и что его в буквальном смысле утащат в ад.

Инанна, став женой Думузи, решает спуститься в Подземное царство, дабы сделаться его владычицей и таким образом, вероятно, воскресить мертвых. Царицей Подземного царства является ее старшая сестра и злейший враг Эрешкигаль, шумерская богиня смерти и мрака. Не без оснований опасаясь, как бы сестра в своем царстве не предала ее смерти, Инанна наставляет своего визиря Ниншубура: если через три дня она не вернется, он должен начать оплакивать ее гибель в собрании богов. Затем он должен пойти в Ниппур, город Энлиля, и умолять его спасти ее и не дать ей быть умерщвленной в Подземном царстве. Если Энлиль откажется, Ниншубур должен идти в Ур, город бога луны Нанны, и повторить свои мольбы. Если Нанна тоже откажется, он должен пойти в Эриду, город бога мудрости Энки, который знает "пищу жизни", знает "воду жизни" и, несомненно, придет ей на помощь.

Затем Инанна спускается в Подземное царство и приближается к лазуритовому храму Эрешкигаль. У ворот ее встречает главный привратник, который желает знать, кто она такая и зачем пришла. Инанна выдумывает ложную причину для своего визита, и привратник, согласно указаниям своей госпожи, проводит ее через семь ворот Подземного царства. При проходе через каждые из этих ворот с нее, несмотря на ее протесты, снимают по частям одежды и украшения. Наконец ее проводят через последние ворота и нагую ставят перед Эрешкигаль и Ануннаками, семью ужасными судьями Подземного царства. Они бросают на Инанну свои смертоносные взгляды, и Инанна превращается в труп, который затем подвешивают на колышек, вбитый в стену.

По прошествии трех дней и трех ночей Ниншубур, видя, что его госпожа не возвращается, начинает свой обход богов, как она ему велела. И Энки, и Нанна, как и предполагала богиня, отказывают в помощи. Но Энки придумывает план ее возвращения к жизни. Он создает двух существ, вверяет им "пищу жизни" и "воду жизни" и велит отправиться в Подземное царство, где Эрешкигаль, "мать-родильница" лежит в муках "из-за своих детей" и непрерывно стенает: "О мои внутренности, о мое тело!" Они же должны сочувственно вторить ее крику и добавлять: "От моих внутренностей к твоим внутренностям, от моего тела к твоему телу". Им тогда за излечение Эрешкигаль предложат в качестве подарков воду рек и зерно полей, но они не должны их принимать. Вместо этого они должны сказать: "Дай нам тело, висящее на гвозде", а затем посыпать его "пищей жизни" и окропить "водой жизни", которые он им дал, и воскресить тем самым Инанну. Так Инанна возвращается к жизни.

Однако беды ее далеко еще не закончены, ибо существует нерушимый закон "Страны без возврата": тот, кто вошел в ее ворота, не может возвратиться в наземный мир, если только не представит себе замену. Инанне позволено подняться на землю, но в сопровождении толпы безжалостных демонов, которые должны вернуть ее в преисподнюю, если она не сможет представить другое божество, которое займет ее место. Пройдя несколько городов, обиталищ различных божеств, и напугав их изрядно, Инанна прибывает в небольшой городок неподалеку от Урука, царем которого является бог-пастух Думузи, который, вместо того чтобы оплакивать сошествие своей супруги в Подземное царство, где она подверглась мучениям и смерти, "надел прекрасные одежды, воссел на высоком троне", т.е. праздновал и радовался. Разгневанная Инанна окидывает его "взглядом смерти" и передает в руки демонов. Думузи бледнеет от ужаса и плачет. Он воздевает руки к небесам и вызывает к богу

солнца Уту, брату Инанны, с просьбой помочь ему избегнуть когтей демонов, превратив его руки в руки змеи и ноги - в ноги змеи.

Несмотря на трехкратное вмешательство Уту, Думузи уносят в Подземное царство в качестве возмещения за Инанну.

Мифы Аккада, разнообразные и многочисленные, во многом восходят к шумерским, и мы на них поэтому останавливаться не будем. Скажем лишь, что наиболее известна аккадская мифологическая поэма "Энума элиш" ("Когда вверху"), посвященная верховному богу Мардуку.

Аккадцы соседствовали с шумерийцами с самой глубокой древности, а ко второму тысячелетию до н.э. история Двуречья считается уже историей семитских народов, главную роль среди которых спустя тысячу лет играют вавилоняне - народ, говоривший по-аккадски и образовавшийся из слияния шумерийцев и аккадцев. Наивысшего расцвета Вавилон достигает при шестом царе первой династии Хаммурапи, но уже скоро подвергается нашествиям горных племен и на пятьсот лет приходит в упадок. Ассирия появляется на исторической арене примерно в XIII веке до н.э., а к VIII веку до н.э. становится могущественнейшим государством Передней Азии и подчиняет себе все Двуречье. Именно в это время была собрана знаменитая библиотека Ашшурбанапала, крупнейшее собрание клинописных текстов.

В конце VII в. до н.э. вавилонянам с соседями-мидийцами удалось сокрушить Ассирию, после чего Нововавилонское царство просуществовало еще сто лет, пока в 538 г. до н.э. не пало окончательно под ударами персидских войск.

Вот о литературе вавилонской, или аккадской, во многом наследовавшей шумерской, мы и поведем речь. Главным героем этой литературы стал ГИЛЬГАМЕШ, личность полуисторическая- полупоэтическая, персонаж многочисленных шумерских мифов, царь, воин-герой, подобно греческому Одиссею, странствующий победитель и центральная фигура монументальной древневавилонской эпопеи "О все видавшем".

Мы встретились с новым термином "эпопея". Что он означает? Эпопеей, как определяет ее Энциклопедический словарь, называется обширное повествование о выдающихся национально-исторических событиях, корни которых лежат в мифологии, фольклоре, где личность автора либо отсутствует, либо формально до предела устраняется.

Как правило, все древние эпические произведения написаны стихами или ритмизованной прозой. Почему? Потому что исполнялись они чаще всего певцами-сказителями в больших собраниях, аккомпанировавшими себе на каком-либо простом струнном инструменте, завораживавшими публику магией звучной и необычной поэтической речи.

Таков и эпос о Гильгамеше, найденный и прочтенный впервые Дж. Смитом, известный сегодня на аккадском языке в трех версиях, древнейшая из которых записана около XIX века до н.э. Наиболее поздняя и полная - та самая поэма "О все видавшем", о которой мы уже упоминали. Она приписывается урукскому заклинателю Син-лике-уннини и относится к концу II тысячелетия до н.э.

(Кстати, в обширной американской фантастической литературе есть любопытный роман Роберта Силверберга "Царь Гильгамеш", в 1994 году выпущенный в Санкт-Петербурге на русском языке. Этот роман достаточно полно пересказывает сюжет эпопеи, а кроме того знакомит читателя с реалиями быта древних.)

Мы уже говорили о том, как открытия Дж. Смита потрясли весь христианский мир. Напомним только, что событие это произошло в 1873 году. С тех пор шумеро-аккадский эпос "О все видавшем" переведен на все языки, русский научный перевод принадлежит известному ассирологу И.М. Дьяконову. А самый первый художественный перевод этого произведения осуществил в 1919 году с французского языка известный поэт Николай Гумилев. Существуют и другие переводы, в частности, очень поэтичный перевод первой таблички, осуществленный С. Северцевым. (Добавление 2002 г.: А совсем недавно свет увидел мастерский перевод С.И. Липкина, анонсированный замечательной статьей Вяч. Вс. Иванова в 10 номере журнала "Иностранная литература" за 2000 г.)

Кто же такой Гильгамеш, или по-шумерски Бильга-мес, т.е. предок-герой? Ряд текстов позволяет считать его реальной исторической личностью - пятым правителем первой династии города Урука в Шумере (XXVII-XXVI века до н.э.) По времени Гильгамеш считается современником библейского Авраама. Вспомните об этом, когда будете читать Ветхий Завет.

Очевидно, вскоре после смерти Гильгамеш был обожествлен и, естественно, позднейшие списки представляют его сыном демона, прожившим сто двадцать шесть лет, либо сыном правителя Лугальбанды и богини Нинсун, потомком бога солнца Уту и т.п.

Со II тысячелетия до н.э. Гильгамеш стал считаться судьей в загробном мире, защитником людей от демонов. Ему приписывалась функция создателя градостроения.

По традиции, с Гильгамешем связывались изображения героя-борца со львом и диким быком, а также фигурки, изображающие духов плодородия. Скульптурные изображения Гильгамеша и его друга Энкиду охраняли вход во дворец ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н.э.) Возможно, что-то общее есть у этого древневосточного героя с хорошо знакомым всем нам образом героя эллинского - Геракла.

Изложенная на двенадцати табличках, после традиционного для эпических песен зачина, поэма, которую мы будем цитировать по переводу И.М. Дьяконова, начинается с характеристики главного героя.

Велик он более всех человеков...
На две трети он бог, на одну - человек он,
Образ его тела на вид несравненен...
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных.

Этот молодой царь чем-то напоминает нашего юного Петра I - столь же силен, энергичен, деятелен, буен.

По спальням страшатся мужи Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью...
Матери Гильгамеш не оставит девы..."

Обеспокоенные жалобами горожан, да и, пожалуй, героической необузданностью молодого царя, боги создают дикого богатыря Энкиду, не уступающего Гильгамешу в силе и способного победить его в бою.

Порожденье полуночи, воин Нинурты,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою.

Этот дикий лесной человек живет со зверями, не ведая о своем предназначении, защищает их от охотников, пока те, наконец, не обращаются с жалобой к Гильгамешу.

Охотник отправился к Гильгамешу,
Пустился в путь, стопы обратил к Уруку,
Пред лицом Гильгамеша промолвил слово:
"Некий есть муж, что из гор явился,
Во всей стране рука его могуча.

Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит вечно по всем горам он.
Постоянно со зверьем к водопою теснится...
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы - он их засыплет,
Я поставлю ловушки - он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, -
Он мне не дает в степи трудиться!"

Мудрый Гильгамеш отправляет вместе с охотником блудницу Шамхат, справедливо полагая, что только женская любовь может разбудить сознание этого получеловека и привлечь его к людям, одновременно лишив первозданной чистоты и невинности, так что и сами звери от него откажутся.

Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи с собою,
Когда он поит зверей у водопою,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, -
Ее увидев, к ней подойдет он -
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне.

И - женская красота и любовь, говорится в древнем произведении, совершают чудо: только через семь дней пришел в себя Энкиду.

...к зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду, - ослабели мышцы,
Остановились ноги, - и ушли его звери.
Смирился Энкиду, - ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разумением глубже...

Дикарь не только испытал чувство к себе подобному, но и овладел человеческой речью. А Шамхат рассказала ему о других людях, об их царе-воине Гильгамеше, чье "мудрое сердце ищет друга", видевшем вещий сон и так поведавшем о нем своей матери:

Мать моя, сон я увидел ночью:
Мне явились в нем небесные звезды,
Падал на меня будто камень с неба.
Поднял его - был меня он сильнее,
Тряхнул его - стряхнуть не могу я,
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится,
Все мужи его окружили.
Все товарищи мои целовали ему ноги.
Полюбил я его, как к жене прилепился.
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравнила со мною.

И мать Гильгамеша отвечала сыну-царю так:

"Я... его сравнила с тобою -
Сильный придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки...
Он будет другом, тебя не покинет -
Сну твоему таково толкованье."

Выслушав Шамхат, загорелся Энкиду желанием встретиться с Гильгамешем, вступить с ним в состязание силы и храбрости. Однако первая встреча героев едва не привела к тяжелым последствиям. Придя в Урук вместе с Шамхат, некоторое время Энкиду "предавался веселью", пока не услышал горькой речи новобрачного, священным правом которого в первую ночь должен был воспользоваться не он, а единственный, кто это право в городе мог узурпировать - молодой необузданный царь Гильгамеш.

"От слов человека лицом побледнел" Энкиду, двинулся к дворцу и преградил дорогу входящему в брачный покой Гильгамешу.

"Схватились в двери брачного покоя,
Стали биться на улице, на широкой дороге,-
Обрушились сени, стена содрогнулась.
Преклонил Гильгамеш на землю колена,
Он смирил свой гнев, унял свое сердце."

Гильгамеш приводит Энкиду к своей матери и говорит ей такие слова:

"Подошел он к дверям, вразумил меня мощью,
Горько упрекал он меня за буйство.
Не имеет Энкиду ни матери, ни друга,
Распущенные волосы никогда не стриг он,
В степи он рожден, с ним никто не сравнится".

И это признание покорило Энкиду, навсегда сдружив двух одиноких людей: полудикаря с благородным сердцем, каким еще недавно был Энкиду, и молодого царя (а кто более одинок в этом мире, чем мудрый правитель?). Чем, спрашивается, предстоит заниматься двум друзьям, двум молодым необузданным воителям? Конечно, совершать подвиги! Тем более, что Энкиду постоянно пребывает в печали при дворе молодого царя.

Гильгамеш и Энкиду идут в военный поход на свирепого демона Хумбабу, что охраняет кедровые леса. Старейшины благословляют их и дают советы:

"Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
Лицом будь спокоен, ударя же верно;
Впереди идущий сотоварища спасает:
Кто ведал тропы, сохранил он друга;
Пускай Энкиду идет пред тобою, -
Он знает дорогу к кедровому лесу,
Битвы он видел, бой ему ведом.
Энкиду, береги сотоварища, храни ты друга,
Через рытвины носи на руках его тело;
Мы в совете тебе царя поручаем..."

В пути друзья пробыли долго, но наконец достигли убежища Хумбабы. Вместе шли они, вместе и приняли бой.

Гильгамеш поразил его в затылок,
Его друг, Энкиду, его в грудь ударил...

И если для Гильгамеша это был только славный подвиг, то для Энкиду - еще одно предательство родной дикой жизни.

Сразили они наземь стража, Хумбабу, -
На два поприща вокруг застонали кедры:
С ним вместе убил Энкиду леса и кедры,
Сразил Энкиду стража леса.

Подвиг друзей вызвал зависть и вожделение к Гильгамешу богини Иштар.

"Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!..
Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури - могучих мулов..."

Гильгамеш, однако, не соглашается на предложение Иштар, памятуя о судьбе ее мужа Таммуза, да и других спутников богини.

"Зачем ты хочешь, чтоб взял тебя в жены?
Ты - жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, обвалившийся на голову герою,
Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик...
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?..
Супругу юности твоей, Думузи,
Из году в год ты судила рыданья.
Птичку-пастушка еще ты любила -
Ты его ударила, крылья сломала...
И со мной, полюбив, ты так же поступишь."

Оскорбленная и разъяренная Иштар потребовала у отца своего Ану наслать гибель на весь род Гильгамеша. И он посылает на землю огромного дикого быка, что

Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил - река иссякла.
От дыханья Быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились...

Бык опустошает Урук, пока Энкиду не увидел его. Он говорит Гильгамешу:

"Друг мой, гордимся мы нашей отвагой,
Что же мы ответим на эту обиду?"

И вновь вдвоем совершают друзья подвиг - убивают страшного быка. Отпраздновав это событие, Энкиду увидел сон, сообщивший ему о его скорой смерти. Гильгамеш успокаивает друга:

Для живого - тосковать его доля,
Сон тоску оставлет для живого!

И обращается царь к богам с просьбой отогнать от друга злую судьбу.

Услыхал его Шамаш, воззвал к нему с неба:

"Не трать, о царь, на кумиры злата,-
Слово, что сказано, бог не изменит,
Слово, что сказано, не вернет, не отменит,
Жребий, что брошен, не вернет, не отменит, -
Судьба людская проходит, - ничто не останется в мире!"

Эти стихи удивительно пессимистичны и отчетливо напоминают еще одну библейскую книгу, книгу Экклезиаста. Мы с вами вспомним об этом, когда будем читать Библию. В отчаянии Энкиду проклинает людей и богов, даже блудницу Шамхат, что первой открыла ему любовь, вкус хлеба и звук речи. Бог Шамаш увещевает его:

Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат ты проклял,
Что кормила тебя хлебом, достойным бога,
Питьем поила, царя достойным,
Тебя великой одеждой одела
И в сотоварищи добрые тебе дала Гильгамеша?

И взял Энкиду свои проклятия обратно, и "в утробу Энкиду боль проникла", и еще один сон увидел герой, сон, предвещающий ему неминуемую смерть и нисхождение:

В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
В путь, но которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища - прах и еда их - глина,
А одеты, как птицы, - одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают.

Двенадцать дней умирает Энкиду, и двенадцать дней не отходит Гильгамеш от скорбного ложа, оплакивая друга. А когда герой скончался, царь приказал отлить его статую и, повелев народу Урука оплакать Энкиду, надел рубище и бежал в пустыню.

Едва не лишившись разума от горя, Гильгамеш вдруг осознает, что и сам он смертен. Это осознание приводит его в чувство и заставляет, покинув свой народ и город, пуститься на поиски средства, которое избавило бы его и человечество от смерти. Полубог Гильгамеш действует в данном случае подобно древнегреческому титану (богу) Прометею, отрекшемуся от Олимпа, чтобы подприть юному миру людей огонь.

Далее поэма повествует о долгом, тяжком и страшном странствовании Гильгамеша в поисках единственного человека, которому боги подарили бессмертие, Утнапишти, пережившего всемирный потоп (прямого прообраза библейского Ноя). Гильгамешу приходится преодолевать пустыни, сражаться со львами, испытывать муки от жажды и голода. Путь ему преграждают горы Машу,

что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
Внизу - преисподней...
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры - гибель...

Кстати, эти люди-скорпионы не напоминают ли нам чудовищ из других мифологий, например, древнегреческую Медузу Горгону? Эти монстры, при виде которых "ужас и страх его лицо омрачили", вопрошают Гильгамеша, в ком признают "на три четверти бога, на четверть - человека", кто он такой, куда и зачем идет.

Гильгамеш рассказывает им свою историю и завершает ее следующими сетованиями:

Устрашился я смерти, не найти мне жизни:
Мысль о герое не дает мне покоя!
...Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
...Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтобы не встать во веки веков?

И пропустили люди-скорпионы Гильгамеша единственным - подземным - путем. Приключения героя на этом не заканчиваются, ведь ему предстоит еще переплыть море, чтобы попасть на остров, где живет бессмертный человек Утнапишти. В этом ему помогает Уршанаби, своего рода вавилонский Харон - перевозчик душ через реку мертвых, ибо море это - не что иное, как мертвое море.

Добравшись, наконец, до острова, где живет бессмертный, Гильгамеш выслушивает долгий рассказ Утнапишти о потопе и о том, почему именно ему даровали боги бессмертие. Прочитируем почти полностью этот важнейший и для общего смысла и по связи с Ветхим Заветом фрагмент поэмы.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
"Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата, -
Этот город древен, близки к нему боги.
Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
Светлоокый Эа с ними вместе клялся,
Но хижине он их слово поведал:
"Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое.
Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан, покрой его кровлей!"
Я понял и вещаю Эа, владыке:
"То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню.
Что ж ответить мне граду - народу и старцам?"
Эа уста раскрыл и молвит,
Мне, рабу своему, он вещает:
"А ты такую им речь промолви:
"Я знаю, Эллиль меня ненавидит, -
Не буду я больше жить в вашем граде,

От почвы Эллиля стопы отвращу я.
Спущусь к Океану, к владыке Эа!
А над вами дождь прольет он обильно,
Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
На земле будет всюду богатая жатва,
Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь вы узрите воочью".
Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался...
Всех мужей я призвал на повинность -
Дома сносили, разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряженье носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой,
По сто двадцать локтей края его верха.
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими,
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряженье.

Три меры кира в печи расплавил;
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,
Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
Народ поил, как водой речною,
И они пировали, как в день новогодний.
Открыл я благовонья, умастил свои руки.
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали - он был тяжелым,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети.

.....
Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
Время назначил мне Шамаш:
"Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты узришь воочью, -
Войди на корабль, засмоли его двери".
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.
Я взглянул на лицо погоды -
Страшно глядеть на погоду было.

Я вошел на корабль, засмолил его двери -
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.

.....

Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллаат и Ханиш идут перед нею,
Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль вырывает жерди плотины,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым, - во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.
Не видят один другого,
И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
"Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!"
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохла их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей.
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались, подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган - потоп прекратился.
Я открыл отдушину - свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море - тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море -
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.

.....
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.

Когда Гильгамеш, выслушав историю потопа, в результате которой Утнапишти, как единственный смертный, его переживший, советом богов был одарен бессмертием, просит бессмертного собрать такой же совет для него, Утнапишти отвечает:

Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
Вот шесть дней и семь ночей не поспи-ка!

Гильгамеш собирается выдержать испытание, но тут же и засыпает не без вмешательства явно владеющего чарами Утнапишти. Просыпается он через шесть дней, доказательством чего служат предъявленные ему хозяином пять черствых и два свежих хлеба, выпеченные женою Утнапишти, пока Гильгамеш спал.

И странствующий царь вынужден был бы отправиться в обратный путь несолоно хлебав, если бы не сжалилось над ним доброе женское сердце супруги бессмертного:

Гильгамеш ходил, уставал и трудился, -
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?
Укорила и умолила она супруга своего Утнапишти.
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И "тайну цветка" тебе расскажу я:
Этот цветок - как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если этот цветок твоя рука достанет, -
Будешь всегда ты молод.

Гильгамеш тут же бросился в море, глубоко нырнул и достал цветок вечной молодости.

"Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него - возвратится моя юность.

Но не суждено было сбыться заветной мечте Гильгамеша: в пути запах цветка учуяла морская змея.

Из норы поднялась, цветков утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу.

Поэма кончается возвращением Гильгамеша в родной город. Какова же главная цель его странствия?

Несомненно, поиски бессмертия во имя устранения несправедливости, ведь всесилие богов, имеющих право не только рождать, но и безнаказанно вырывать из жизни таких замечательных людей, как Энкиду, рассматривается Гильгамешем как явная несправедливость.

Герой этого, едва ли не древнейшего в человеческой культуре, произведения показан не статично, т.е. в начале сказания он не был таким, каким стал, пройдя многочисленные испытания. Происходит, иными словами, _психологическая трансформация_ образа: вначале мы видим еще не героя - просто молодого и деятельного правителя. То, что он заявлен как потомок божества - это еще от сказки, от мифа, еще ничем не подтверждено. Но вот шумерский Добрыня Никитич, отбуйствовав, приобрел друга, полюбил человека, вместе с ним подвергся смертельным опасностям, совершил подвиги - и друга этого потерял, и оплакал, и в одиночку (царь!) совершил тяжелейшее путешествие, и, казалось, обрел надежду, но вновь потерял ее. И изменился, совершил скачок в духовном росте. Может быть, к этому скачку привели его даже не гибель Энкиду, не странствие, а раздумья о смысле жизни, постоянно сопровождавшие его в пути. Истинное мужество, проявленное Гильгамешем, тоже, по-видимому, не в воинских подвигах и даже не в преодолении почти непреодолимого пути, а в том стоическом спокойствии, с которым встречает герой последнюю свою потерю - утрату вожделенного цветка вечной юности, в этом признании собственного поражения, признании без уныния, но с тем мужественным спокойствием, которое дается истинным мудрецам: надо жить дальше. И жить нужно достойно.

Разве станет этот, все выдавший и все испытавший человек теперь отбирать у родителей юношей и девушек, использовать право первой ночи и совершать тому подобные "подвиги"? Представимо ли теперь это?

Или Энкиду - тоже ведь развивающийся образ. Этимологически, видимо, некое зооморфное божество, Энкиду очеловечивается, как сказал бы Александр Блок, "вочеловечивается" посредством любви Шамхат, дружбы с Гильгамешем, жертвования собой за друга и за людей. Вспомним многочисленные сказки о Сером Волке, джиннах и т.п. существах, представляющих собой неизменных и верных друзей и помощников главных героев, их, так сказать, равноправных слуг. Между прочим, забегая вперед, скажем, что образ такого слуги, или младшего товарища, впоследствии будет широко распространен в различных литературах (Санчо Панса при Дон-Кихоте у Сервантеса, Сэм Гэмджи при Фродо Торбинсе у Толкина, или друзья Ахилл и Патрокл у Гомера, Таризэл и Автандил у Руставели и т.д.).

Кстати сказать, в древних шумерских преданиях Энкиду и был именно слугой Гильгамеша, здесь же он - равный царю герой и друг. Та же, по сути, художественная эволюция.

И в заключение о жанре. Что такое эпос о Гильгамеше как не роман-странствие? Принципиальна ли в этом смысле разница его, скажем, с "Одиссеей", со сказками, в основе которых почти всегда лежит путь, дорога, которую нужно преодолеть, чтобы достичь чего-то: могущества ли, мудрости ли, обрести ли утерянную любовь?

На этом мы заканчиваем наше первое путешествие по земле Междуречья, породившей древнейшую в мире культуру и литературу. Далее наш путь лежит по соседней территории - и по страницам одной из самых знаменитых книг в истории человечества - "Библии".

Вопросы к главе второй

1. Что такое эпос? Какие эпические произведения известны вам, кроме поэмы "О все издавшем"?
2. Есть ли связь между древнейшими шумерскими мифами и библейскими сказаниями? Какие еще литературно-исторические связи вы знаете?
3. Что искал и что обрел Гильгамеш в своих странствиях?

Литература к главам 1, 2

1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. (Литература Шумера и Вавилонии. С. 115-228. Пер. В. Афанасьевой и И. Дьяконова).
2. История всемирной литературы: В 9 т. Т. I. М.: Наука, 1983. С. 108-110.
3. Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1991.
4. Мифологии Древнего Мира. М.: Наука, 1977. (С.Н. Крамер. Мифология Шумера и Аккада. С. 122-160).
5. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. (Глава 17, стр. 321-331).
6. Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1980.
7. Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М.: Восточная литература, 1995.
8. История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. В 3 т. М.: Наука, 1983.
9. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
10. Ново-Басманная, 19. М.: Худож. лит.. 1990. (Иванов В.В. Гильгамеш в переводе Гумилева. Гумилев Н.С. Гильгамеш. С. 267-307).
11. Силверберг Р. Царь Гильгамеш. СПб.: АО "Эгос", 1994.

Ветхий Завет. Библия и история древних иудеев

Приступая к краткому, по необходимости фрагментарному знакомству с Ветхим Заветом, мы должны отчетливо представлять себе, что Библия является не только одним из древнейших литературных памятников, но, главным образом, священным писанием сразу двух мировых религий, иудаистской и христианской. Возможно, именно это и сделало ее иной раз незамысловатые истории, подчас темные, труднопонимаемые тексты, столь живыми, популярными, неумирающими в веках. Так ли это, нам предстоит узнать в дальнейшем. Пока же оговоримся: рассматривая здесь Библию только как литературный памятник, не забудем все же о главном ее значении для человечества, а значит, и для культуры.

Греческий термин "Библия" означает просто "книга", и книга эта - сборник совершенно различных произведений: исторических повествований, гимнов Богу, любовных песнопений, моралистическо-философских афоризмов и многого другого, с точки зрения неверующего, не всегда напрямую религиозного содержания.

Библия как священное писание делится на две большие книги: Ветхий Завет и Новый Завет, т.е. соответственно на св. писание древних иудеев (исторический период - примерно со второго тысячелетия до н.э. до начала нашей эры) и св. писание христианства (с первых веков нашей эры).

Ветхий Завет из поколения в поколение оставался священной книгой и не воспринимался как явление литературы до конца XVIII века, до знаменитых работ немецкого просветителя И. Гердера.

Знакомясь с мифологией и литературой Междуречья, мы не раз упоминали о корневых связях этой культуры с древнеиудейскими книгами. Будем говорить об этом еще и еще, не забывая, однако, о главном отличии Библии не только от этой культуры, но и от всех остальных. Этим отличием является монотеизм, единобожие, центральный нерв еврейства вообще, определяющий его быт и дух, каждую строку Библии и все ее жанры, насколько таковые можно вычленишь. Все здесь подчинено единому Богу, все к нему устремляется. Древнееврейский язык, кстати, не имел четких разграничений между поэзией и прозой (отчего библейские периоды и называются стихами), хотя разница в определенных местах книги в смысле большей или меньшей ритмизованности ощущается.

Совершая путешествие по страницам Библии, мы не встретим уже привычного нам эпоса в узком понимании смысла этого термина. Ведь эпос - это общение героев с богами, достаточно взаимозависимое и часто почти на равных, что хорошо понятно хотя бы из истории такового общения Гильгамеша, эпос предполагает в таком общении богов видимых, осязаемых. Совсем не то библейский Яхве, Бог, от которого люди зависимы полностью. Это-то чувство полнейшей зависимости от высшей воли и не позволило древним евреям создать эпос и драму, ибо последняя также предполагает свободную волю самостоятельной личности, а здесь самостоятельной личностью со свободной волей может быть только Яхве.

Но и - удивительная вещь! - именно здесь только и возможны по-настоящему такие явления, как богоискательство и богоборчество. Ни в месопотамской мифологии, ни в греко-римской, да ни в какой другой люди с богами не борются. Иногда соревнуются, иногда хитрят,

соглашаются, но борьбы с богом ни в прямом, ни в переносном смысле эти мифологии не знают, тогда как древний иудей Иаков борется с Яхве в совершенно прямом смысле, врукопашную, а сколько примеров богоискательства и богоборчества можно найти в христианской культуре - и не перечислить. Достаточно будет назвать здесь только творчество знаменитого немецкого философа Фридриха Ницше или романы русского писателя Ф.М. Достоевского, чтобы лишний раз это подчеркнуть.

Может быть, главной особенностью Библии, а следовательно и всей иудео-христианской культуры, является ее противоречивость, парадоксальность. Она заложена в самой основе монотеизма. Единый Бог - создатель человеческого племени и, значит, человеческой истории, но саму историю творит человек. Далее - иудеи - народ Яхве, любимое, избранное им племя. Но ведь тот же Яхве создал и всех остальных. А человеческая история, помимо культурного созидания, это еще и история войн, история борьбы за место под солнцем, которую иудеи проиграли. Отсюда и кротость, и воинственность, и национальная исключительность, и всечеловеческая природа этой культуры и этой книги.

Итак, не создав эпоса, не имея драмы, куда устремляется творческая энергия писателей и мыслителей? В себя, вглубь и ввысь, что проявляется прежде всего в лирике и в пророчествах. Летопись же иудеев строится посредством диалогов их избранных представителей с Яхве. Многострадальное свое бытие, свою историю иудеи с удивительной силой и мощью отразили в Библии, точнее в ее первой книге, Ветхом Завете. Он представляет собой три больших цикла.

Тора, или Пятикнижие, приписываемое знаменитому пророку и национальному герою Моисею. В Тору входят книги, называемые "Бытие", "Исход", "Левит", "Числа", "Второзаконие" и описывающие создание богом мира и древнейшую, кочевническую историю племени.

Книги Пророков (Иисуса Навина, Судей Израилевых, Самуила, Книги Царств), также представляющие собой произведения историко-хроникального типа, и собственно пророческие сочинения Исаяи, Иеремии и др.

Писание - собрание разножанровых текстов, куда входят гимны Богу, любовная лирика, афоризмы, философско-дидактические сочинения (книги Ездры, Есфири, Иова, Псалтирь, Притчи, Песнь Песней).

Впрочем, это весьма условное деление. Хронологически вся Библия создавалась в период от XII в. до н.э. и до первых веков н.э.

В этом разделе мы будем говорить только о некоторых книгах Ветхого Завета, с Новым же познакомимся значительно позже, после бесед об античной литературе, поскольку он в какой-то степени является не только завершением общекультурных усилий древнего человечества, но и основополагающей книгой для нового времени. Не говоря уже о том, что Новый Завет - священное писание христианства, религии, к которой принадлежит и русская культура.

Впервые упоминания о неких "хапиру", или "апиру" (по-еврейски иври) встречаются в документах середины II тысячелетия до н.э. (например, в текстах архива фараонов из г. Ахетатон), как о неравноправных иноплеменниках на территории государств Ханаана и египетской державы. Это кочевники, пастухи, переходящие со стадами из пустынь и степей в зону населенных земель. Во всяком случае, в "Книге Бытия" древние евреи описаны именно как бродячие скотоводы, заинтересованные в чужеземных колодцах. Время от времени эти кочевники оседали на каких-либо землях. Так Авраам говорит хеттам: "Я у вас пришелец и поселенец". Но уже в XIII в. до н.э. евреи - часть западносемитских племен, роды, сплотившиеся вокруг культа Бога Яхве, - вторглись в Палестину.

К периоду кочевья, описанного в Ветхом Завете, мы в свое время еще вернемся. Начнем же с того периода, когда сыны Израилевы, находясь в полонении у египетского фараона, строят столицу в дельте Нила. Они весьма многочисленны и чадолюбивы настолько, что фараон приказывает отбирать у матерей новорожденных мальчиков и топить их в Ниле. Именно это должно произойти с сыном Аарона и Мариам. Несчастливая мать пытается спрятать малыша и тайно выкормить, но мальчуган растет не по дням, а по часам. Его лепетанье слышно далеко за пределами дома, и мать в отчаянии решает на последнее средство. Ей известно, что дочь фараона очень любит маленьких детей, и в надежде на царскую милость Мариам кладет сына в корзинку и относит на берег Нила в то место, где царевна обычно купается. Спрятавшись в прибрежном кустарнике, она дожидается купанья - и ее надежда оправдывается. Малыш понравился дочери фараона, его забирают воспитывать во дворец, а мудрая Мариам предлагает свои услуги в качестве кормилицы. Ребенок спасен, а затем и усыновлен царевной. И наречен именем "Моисей".

Выросши в роскоши и получив прекрасное воспитание и образование древнеегипетского аристократа, Моисей получил еще и тайное воспитание, согласно традициям иудейской веры, которое дала ему родная мать. В течение сорока лет Моисей вел двойную жизнь: днем - как блестящий аристократ, а ночью - как тайный сын своего многострадального народа. Однажды Моисей, увидев, как египтянин-надсмотрщик избивает еврея, не сдержался и заколол мучителя мечом. Естественно, что после этого ему пришлось бежать и еще сорок лет странствовать по соседним странам.

Где-то за горами лежит Ханаан - земля обетованная, родина его предков. Моисея посещают вещие сны, а на восьмидесятом году к нему является Бог в виде вспыхнувшего и не сгорающего куста. Из этого куста (неопалимой купины) был ему глас Божий:

Моисей! Моисей! Он сказал: вот Я!

И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

И сказал: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова...

Я увидел страдание народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его, и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...

Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ мой, сынов Израилевых...

Здесь впервые Господь открыл свое имя человеку и наделил Моисея рядом чудесных дарований. И по слову Божьему Моисей отправился в Египет. Прибыв, он испрашивал у фараона разрешения вывести на три дня в пустыню всех евреев, дабы жертвоприношениями воздать честь Яхве, однако фараон разрешения дать не соизволил. Путем различных ухищрений с помощью Яхве Моисею все-таки удалось вывести свое племя из Египта.

Это событие - исход - Моисей увековечил праздником Пасхи иудейской, которую не следует путать с христианской Пасхой, символизирующей воскресение Иисуса Христа.

Далее начинаются более чем сорокалетние странствования иудеев в поисках земли обетованной, странствования тяжкие, полные страданий и молитв, таинств и чудес, странствования, за время которых сменилось не одно поколение, так что если не память, то психология рабства не осталась в народе. В нашу задачу подробный рассказ о страданиях и чудесах этих лет не входит, и лишь об одном эпизоде я позволю себе рассказать вам своим стихотворением, которое так и называется - "Моисей".

Кто от жажды в пути не страдал,
кто не полз по пескам, изнывая,
тот, кто Бога в пустыне не звал,
тот ни жизни, ни смерти не знает.

Пески. Дымится кожа. Хоть
бы капля влаги, капля пота!..
Рот пересох, в песке весь пот,
и мысль о Родине - как рвота.

"Пить! Пить, отец! У той горы
нам дай воды! Спаси нас, старец!
Не то, не то, как упыри
твоею кровью упиваясь,
пойдем мы дальше без тебя,
и пусть нас Яхве покарает,
но, Бога нашего любя,
не знали мы, что нету края
страданьям нашим! Моисей,
не ты ль нас вывел из Египта?
Не ты ль нас Родиной своей
прельщал?.. Воды! Не то погиб ты!"

И изможденные мужи
к вождю сурово подступили.
А он молчал. Он Богом жил,
его уста молитвы пили.

"О, Яхве! Я твой бедный раб,
не за себя - за братьев в страхе.
Пошли мне смерть, - я стар и слаб,
но мой народ спаси, о Яхве!"

"Отец! Отец! Молись скорей!
Смотри, как матери и жены,
подобно листьям в октябре,
валЯтся наземь!.. Наши стоны
услышь, Господь! Низвергни дождь!
Не предавай рабов проклятью!..
А ты умрешь, жестокий вождь!"

И грянул гром.

"Вот Яхве, братья! -
сказал пророк. -
Он сыновей
своих в несчастье не покинул."
И поднял посох Моисей,
и из скалы источник хлынул.

Во время многолетнего странствования евреев Бог препоручил Моисею десять заповедей - законов, по которым его избранный народ и должен был жить. Вот что говорил Яхве:

Я, Господь Бог твой...

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира.

Не поклоняйся и не служи им, ибо я Господь... наказывающий и творящий милость.

Не произноси имя Господа, Бога твоего всуе (то есть - понапрасну. -В.Р.). Помни день субботний, чтобы святить его, шесть дней работай, а день седьмой - суббота Господу Богу твоему, ибо в шесть создал Господь небо и землю, а в день седьмой почил. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не лжесвидетельствуй на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего, жены, раба, вола, осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Эти заповеди и стали основой законодательства не только у древних евреев, но и совершенно необходимыми условиями общежития любой развитой культуры, в том числе, кстати, вошли и в так называемый моральный кодекс строителей коммунизма. Эти вечные истины, строго и четко изложенные в Ветхом Завете, будут затем полностью повторены в знаменитой Нагорной проповеди Иисуса Христа, и мы в свое время вернемся к ним и попытаемся увидеть не только общность, но и различия заповедей культур иудейской и христианской.

Итак, в тринадцатом веке до н.э. евреи пришли в Палестину, где в борьбе с местным населением хананеями и завоевателями с запада - филистимлянами окончательно сложились в союз 12 племен (колен), принявших наименование "Израиль".

В конце XI в. патриархальную военную демократию сменяет монархия: этот переход запечатлен в "Книгах Царств". Наибольшего подъема и могущества древнееврейское государство достигает в эпоху царей Давида и Соломона. Давид - царь исторических хроник, суровый воин; Соломон же воистину блистательный государь золотого века - поэт, музыкант, мудрец, гуманист. Именно ему приписывается авторство и книги Притчей, и многие псалмы, и наконец вершина древнееврейской лирики - "Песнь Песней". В русской литературе есть маленькая прелестная повесть А.И. Куприна "Суламифь", в которой замечательно передана атмосфера и "Песни Песней", и двора Соломона, поведено и о его мудрости и о его любви.

Окрестные народы скоро стали либо данниками, либо союзниками Израиля, с Египтом сложились достаточно устойчивые дипломатические отношения. Верхушка общества перенимала культурные достижения хананеев, финикийцев, египтян. Давид основал столицу в завоеванном им Иерусалиме, Соломон построил роскошный дворец и храм Яхве, до того почитавшегося в шатрах кочевников. Около 928 г. до н.э. царство распалось на Иудейское в Южной Палестине, управляемое царями из иерусалимской династии Давида, и Израильское в Северной Палестине со столицей в Сихеме, позднее в Самарии. Увы, постоянная междоусобица и имущественная дифференциация неизбежно ослабили оба царства, чем не преминули воспользоваться египтяне, ассирийцы, вавилоняне.

Были, были в IX и VIII веках пророки, призывавшие вернуться к добрым патриархальным отношениям, протестовавшие против золотого тельца (Библия представляет собой настоящий клад крылатых слов и выражений, прочно вошедших в наш обиход, о чем мы подчас и не подозреваем. Так и это выражение "золотой телец" (а затем и название знаменитого плутовского романа И. Ильфа и Е. Петрова "Золотой теленок") - отсюда, из Ветхого Завета), и некоторые цари шли им на уступки (Хизкия, 727-698 г.г. до н.э.), но исторически оба царства были уже обречены.

В 722 г. ассирийский царь Саргон II завоевал Израиль и разрушил Самарию, а в 587 г. вавилоняне Навуходоносора II то же сделали с Иудеей и Иерусалимом. Жители обоих государств были пленены. Этот период в Библии носит имя вавилонского пленения.

Религиозная экзальтация некоторой части еврейского народа в этот период достигла высшей степени, породив ряд произведений, в которых катастрофа характеризуется как наказание Господне за недостаточную верность ему. Здесь же проявилась и вековая мечта о возрождении, достигающая порою мистического и пророческого уровня: мечта о мировом государстве во главе с Иерусалимом и царем из Давидовой династии - мессией, неким таинственным избранником Бога.

А меж тем гибнет и Вавилон под ударами персов, которые в VI - V в.в. разрешают иудеям вернуться на родину и отстроить Иерусалим, но уже как город, подвластный персам.

Эзра и Неемия, руководившие восстановлением храма, регламентировали жизнь обывателей буквально сверху донизу, запретили евреям смешанные браки и не допускали в общину Палестины израильтян. В ответ те основали общину Самаритян, что привело к вековечной войне и, в том числе в немалой степени, к современным проблемам Израиля.

В IV веке до н.э. Палестина была завоевана Александром Македонским и вошла в круг эллинистической цивилизации. Часть общественной верхушки, естественно, стала перенимать культурные обычаи греков. Сирийские цари это поощряли, а Антиох IV Эпифан начал открытые репрессии против ревнителй иудейской веры.

В 167 г. до н.э. народ ответил повстанческим движением Иуды Маккавея, и неравная борьба эта неожиданно увенчалась успехом: в 140 г. Иудея вновь стала независимой. Однако спустя всего лишь 80 лет в Иерусалим входят легионы Гнея Помпея, и в 6 г. до н.э. Иудея превращается в провинцию Римской империи. После двух попыток сбросить это иго, жестоко подавленных императорами Веспасианом и Адрианом, к 136 г. н.э. Иерусалим был дотла разрушен. Это событие и означало конец древнееврейской культуры.

ЗаклЮчить эту небольшую историческую справку автору хотелось бы еще одним собственным стихотворением, иллюстрирующим как вышеизложенный материал, так и одно из сказаний Ветхого завета.

ПЕЙ, ВАЛТАСАР!..

Воскуренья плыли,
тамбурины били,
и плясали придворные голые девки пред ликом царя Валтасара,
разжигая похоть
и утробный хохот,
тряску жирных отвислых грудей то ли евнухов, то ли матрон, то ли рыбных торговок с базара...

Желтых яблок груди,
золотые блюда,
и янтарные струи вина горьковато-звнящего в чашах из храма сожженного. Херес!
И мелькают колени,
и чадят воскуренья...
И - какое глумленье: кто-то красным по белому чертит какое-то "мене", как будто бы "текел", навроде бы "перес"!..

Это что ж за писатель,
за художник-ваятель
меловую испортил мне стену победного тронного зала?!
Это что же за длань
безобразную брань
на чужом языке начертать, испохабив мой пир, надерзала?!.

.....

Пей, Валтасар!
Это не на стене
корчится слово, как грешник в огне:
МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС!
Буквы горят у тебя на челе:
вечер - на троне, а ночь - на столе
встретишь.
Подходит перс.

Дарий напьется над прахом твоим,
но Александр посмеется над ним:
МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС.
Пей, македонец имперских кровей,
кровью твоею упьется Помпей -
римских кентурий ферзь.

Пей, италиец! Аттила в пути
с черной уздой в косматой горсти.
МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС!
Смейся, жестокий бог племенной...
Кто посмеется в ответ над тобой?
Орангутанг в пещере,
дико на стену заляпанную ощерясь:
МЕНЕ... ТЕКЕЛ... ПЕРЕС...

Вопросы к главе третьей

Что вы знаете о Библии? Каково содержание Ветхого Завета?
Кто такие древние иудеи и в какой связи этот народ находился с народом древнего Междуречья (на примерах из Ветхого Завета)?
Кто такой Моисей и в чем заключается его историко-культурное наследие?

Рекомендуемая литература

1. З. Косидовский. Библейские сказания. Сказания Евангелистов.
2. Г. Гече. Библейские истории.
3. Э. Церен. Библейские холмы.

Ветхий Завет. Легенда о Иакове и Иосифе, или Семейный роман на страницах Библии

Я обещал вам вернуться к кочевническому периоду древнееврейской истории. В легенде, или, если хотите, романе о патриархе Иакове и сыне его Иосифе Прекрасном, изложенном на страницах Ветхого Завета, мы как раз и попадаем в эти времена.

Итак, в семье старого Исаака и жены его Ревекки, растут два сына-близнеца - Исав и Иаков. Первый из них родился получасом раньше, но по старинным законам именно он имеет право на первородство, т.е. на родительское наследство. Братья выросли, старший стал охотником, крупным, заросшим волосами человеком; младший был красивее, хитрее, и богобоязненнее (а значит, и угоднее Богу), пользовался большей любовью матери, и однажды задумал хитростью отнять у брата первородство. Договорившись с матерью, во время отсутствия Исава, Иаков переоделся в вывернутые мехом наружу овечьи шкуры, накормил вкусным обедом почти совсем слепого, дряхлого отца и под личиной старшего брата получил родительское благословение. Скоро обман раскрылся, и Иаков, боясь гнева Исава, вынужден был бежать в уже знакомую нам Месопотамию, где жил с семьей родной брат его матери, Лаван.

В пути, во время одной из ночевки под открытым небом, приснился Иакову вещий сон. Увидел он огромную лестницу, ведущую с земли в небо. По этой лестнице поднимались вверх ангелы, а наверху восседал во всей своей красе и славе Создатель, благословляющий Иакова.

Приснившаяся герою лестница напоминает ступенчатые храмы, строившиеся в Месопотамии, по ступеням которых поднимались жрецы в белых одеждах. Эти сооружения назывались "вратами неба", поскольку считалось, что взбираясь по ним, можно попасть в царство богов.

Уже в самом конце своего путешествия встретил Иаков у источника, прелестную девушку Рахиль и влюбился в нее с первого взгляда и на всю жизнь. Избранница его оказалась младшей дочерью Лавана, и при встрече дядя пообещал Иакову отдать ее в жены, если... тот отработает у него семь лет. Лаван был богатый скотовод, и работа Иакова заключалась в том, чтобы ежедневно круглый год пасти овечьи стада дяди.

Помимо Рахили у Лавана была и старшая дочь, Лия, страдающая глазами и вовсе Иакову не нравившаяся. Честно отработав семь лет, он потребовал у дяди выполнения обещания. Приготовили свадьбу и... обманули жениха, подменив в брачную ночь Рахиль Лией. Когда же наутро Иаков явился к Лавану разбираться, ему отвечали в том смысле, что никто не возражает отдать за него через неделю и Рахиль, но... за это он должен служить еще семь лет. На сетования обманутого мужа ответ был: младшая дочь не должна выходить замуж раньше старшей, это несправедливо. Что делать? Иаков отслужил за Рахиль еще семь лет. В обычаях того народа и того времени многоженство было в порядке вещей, и все жены, служанки и их дети жили общей семьей. Так и Иаков оказался теперь отцом Рувима, Симеона, Левита, Иуды, Иссахара, Завулону и Дины, которых родила ему Лия (кстати, родословная Иисуса Христа восходит именно к сыну Иакова и Лии Иуде); Гада и Асира - сыновей ее служанки Зелфы. Служанка Рахили родила ему Дана и Неффахима.

Рахиль же, горячо любимая Иаковом, долгое время казалась бесплодной, пока не родился у нее, наконец, столь желанный и столь потом любимый обоими родителями сын Иосиф.

Забегая вперед, скажу, что вторые роды Рахили стали причиной ее ранней смерти и великого горя мужа. Ребенок, отнявший жизнь у матери, получил имя Вениамина и стал последним чадом Иакова.

Итак, жизнь главы теперь уже многочисленной семьи продолжалась, а положение Иакова между тем представлялось ему, по-видимому, весьма двусмысленным. В самом деле, кто он: родной племянник Лавана, женатый на обеих его дочерях, наследник богатого скотовода, или всего лишь слуга, пастух его многочисленного стада? И где он: здесь ли священная земля его предков?

И замыслил Иаков побег. А чтоб не возвращаться домой нищим, да еще и с огромной семьей впридачу, решил он хитростью взять у дяди причитающееся ему добро, к тому же, честно заработанное за много лет беспорочной службы. Хитрость же заключалась в следующем: Иаков предложил дяде отдать ему в качестве приданого за дочерьми немногочисленную часть будущего приплода стада, ту, что была не черной и не белой, а пятнистой. В самом деле, овцы редко бывают пятнистыми, и Лаван, быстро прикинув, легко согласился.

Иаков отправился осуществлять свой план. Собрал свежих прутьев, он надрезал на них кору, чтобы образовались белые полосы, и разложил их у водопоя. Глядя на дело рук пастуха, овцы пили... и плодились сплошь пятнистыми.

Лаван разорвался, Иаков богател. И собирался домой в Ханаан. Все это, разумеется, не могло понравиться сыновьям Лавана, и в результате Иакову пришлось бежать вместе со всем своим семейством и богатством. Можно представить себе, каким было это бегство, но Библия утверждает, что Иаков ушел бы совершенно спокойно, если бы не так сильно доверял своей возлюбленной жене Рахили. Лаван лишь на третий день хватился беглецов, и это несмотря на то, что Иаков ушел с двумя женами, их служанками, одиннадцатью сыновьями, не считая челяди, верблюдов, овец и коз.

К тому же Рахиль прихватила с собой статуэтки домашних богов, издавна покровительствовавших их роду. "Зачем ты украл богов моих?" - справедливо спросил Иакова догнавший его тесть. После бесплодных поисков (Рахиль перехитрила-таки отца) и бурных объяснений заключили мир, и Иаков отправился дальше.

Перейдя границу Ханаана, наш герой получил весьма тревожные для него сообщения о брате Исаве, который пользовался здесь дурной славой. Иаков обеспокоился: кое в чем и он ведь был виновен пред Исавом. Хитрец, он отправил к брату послов с просьбой о прощении! Возвратившиеся послы сообщили, что Исав сам идет навстречу во главе четырехсот вооруженных воинов. Взмолившись Богу: "Избавь меня от руки брата моего...", Иаков тем не менее принял меры предосторожности: разделил все, что имел пополам и развел по сторонам, дабы хоть что-нибудь спаслось. И отправил навстречу Исаву дар: двадцать козлов и двести коз, тридцать верблюдиц и т.д.

Ночь Иаков провел в лагере и увидел странный сон: будто он яростно борется с Богом. "Не отпущу тебя, пока не благословишь меня!" - кричал он Создателю, как равному. До рассвета боролись они, пока Бог, поняв, что не может одолеть Иакова, поразил ему бедро, немедленно

же и усохшее. Вырвавшись из рук Иакова, Бог благословил его и заявил, что отныне нарекает его Израилем, что значит "боровшийся с Богом".

Проснувшись, Иаков обнаружил, что охромел, но это ничуть не испортило ему настроения, ибо своим благословением Бог как бы узаконил его первородство и к тому же пообещал, что Иаков даст начало роду, который будет властвовать над людьми. Сыны Израилевы в память об этом событии никогда не едят жилы бедра убитых животных.

Встреча братьев оказалась радостной, и Иаков успел еще увидеть живым своего 180-летнего отца. На этом история Иакова заканчивается и начинается история его сына, Иосифа, столь же бурная и не менее романическая. Как вы уже знаете, у Иакова было двенадцать сыновей, но больше всех любил он Иосифа и Вениамина, рожденных Рахилью. Иосиф рос умным, смысленным мальчиком, очень красивым к тому же, и отец, гордясь им, постоянно ставил любимца в пример другим сыновьям. Иосиф ходил в роскошных ярких одеждах и не выполнял никакой тяжелой домашней работы. Мало того, подросток любил щегольнуть перед братьями своей исключительностью. Вот, например, что сообщал он за семейным столом:

"Видел я сон: мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал и стоял прямо; и вот ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу..."

В другом сне ему поклонились уже не снопы, а одиннадцать звезд вместе с солнцем и луной. Тут не то что братья, по даже и отец смутился: "Неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?"

Но и действительно, случится так, что богоизбранный Иаков поклонится своему еще более богоизбранному сыну. Однако об этом после. Однажды в поисках пастбищ братья слишком далеко забрели и долго не подавали о себе вестей. Обеспокоенный Иаков послал Иосифа поискать их.

"Вот идет сноповидец", - сказал один из них, углядев приближающегося Иосифа. И братья решили убить отца любимчика и бросить его в засохший колодец, отцу же сообщить, что Иосифа сожрали дикие звери. Рувим отговорил их от братоубийства, и в результате Иосиф был продан единокровными братьями проезжему купеческому каравану за двадцать сребреников. Проводив караван, братья разорвали и смочили одежды Иосифа кровью козла и послали отцу, спрашивая, узнает ли он ее. Иаков от горя едва не лишился рассудка: "С печалию сойду к сыну моему в преисподнюю".

Меж тем купцы отвезли Иосифа в Египет и продали там начальнику телохранителей фараона Потифару, одному из его могущественных вельмож. И долгое время все было хорошо, т.к. Иосиф очень старался на службе, и Потифар даже назначил его управителем своих имений. Но молодость, красота, ум и талант Иосифа сослужили ему и плохую службу, привлекая внимание жены Потифара. Иосиф, однако, не откликнулся на ее заигрывания, не желая отплатить низкой изменой своему хозяину за все его благодеяния.

Этот мотив многократно встречается в мировой литературе, в частности, Библия повторяет ситуацию из египетского мифа, в котором рассказывается о безупречном Бате и кокетливой жене его брата Анупу, а мы с вами вспомним о нем, когда откроем страницы древнегреческих трагедий. В отмщение супруга Потифара коварно оболгала нашего героя в

глазах мужа, и Иосиф был брошен в темницу. Но и там быстро завоевал расположение начальника тюрьмы, который назначил его надзирателем за другими узниками.

Как-то пришлось молодому человеку соседствовать по темнице с главным виночерпием и главным хлебодаром египетского царя. Они выболтали ему все дворцовые интриги, так что Иосиф знал теперь все о высшем свете страны, как будто сам служил при дворе. Между прочим, поведали однажды сокамерники своему визави о странном сне, привидевшемся им накануне. Виночерпию снилась виноградная лоза, соком которой он напоил фараона, хлебодару же увиделись корзины с хлебом, который выклевали птицы. Иосиф, еще с детства замечательно толковавший сны, пообещал виночерпию скорое прощение и просил замолвить за него словечко перед фараоном, хлебодару же напророчил, что через три дня его предадут в руки палачей.

Спустя три дня предсказания Иосифа сбылись, однако виночерпий, выйдя на волю, совершенно забыл, как это часто бывает, о своем обещании, и Иосиф еще два года томился в темнице. Кто знает, что стало бы с нашим героем дальше, если бы теперь уже фараона не стали посещать сны. Увидел тот, как из реки вышли сначала семь тучных коров, а вслед за ними - семь тощих. И тощие пожрали тучных. В другой раз увидел он, что выросли из земли семь колосьев налитых зерном, а потом - семь пустых. И пожрали они здоровые колосья. Фараон, обеспокоенный своими видениями, призвал всех своих волхвов и мудрецов, чтоб они разгадали его сны, но никто из них не был на это способен. И только тогда виночерпий вспомнил об Иосифе.

Толкование молодого еврея понравилось фараону: Иосиф сказал ему, что страну ждет семь урожайных лет, а вслед за ними - семь лет страшной засухи, и что царю необходимо заблаговременно к ней подготовиться, т.е. немедленно выбрать мудрого правителя, который бы в годы изобилия откладывал в запасники часть урожая. Инициатива наказуема, и фараон назначил таким правителем самого Иосифа. Став наместником с диктаторскими полномочиями, Иосиф мудро правил в Египте, и когда наступил голод, открыл закрома и стал продавать хлеб не только египтянам, но даже и жителям соседних стран. За пшеницу люди отдавали последнее, и сделал Иосиф народ "рабами от одного конца Египта до другого".

Семья Иакова в Ханаане тоже страдала от голода. Старик отправил сыновей в Египет за пшеницей, оставив дома только самого младшего - Вениамина. Прибыв в Египет, братья не узнали Иосифа, он же не подал вида, что узнает их. Расспросив о семье, он сурово обвинил их в шпионстве и бросил в темницу на три дня. Затем отправил их домой для того, чтобы вернулись они вместе с Вениамином. Братья же каялись в своих грехах, рассказывали, как жестоко обошлись некогда со своим братом, так что Иосиф даже прослезился.

Вернувшись с Вениамином, они вновь предстали перед правителем. На сей раз он радушно принял их, угостил, а затем спросил о здоровье Иакова. Наполнив мешки братьев зерном, Иосиф незаметно подсунил в мешок Вениамина дорогую серебряную чашу и сразу же после того, как братья уехали домой, послал вдогонку стражу. Пойманные с поличным и недоумевающие евреи вновь предстали пред очи Иосифа. Он вновь приказал отпустить их, но оставил у себя заложником Вениамина. Иуда предлагал остаться сам вместо подростка: "Теперь если я приду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душою которого связана душа его, то он, увидев, что нет отрока, умрет". Тут уж Иосиф не смог сдержать чувств и, рыдая, открылся братьям.

Слух о случившемся дошел до фараона, и он разрешил Иосифу отправить в Ханаан караван, чтоб перевезти всю семью в Египет. Наш герой одарил всех братьев богатыми подарками и отправил их за отцом. "Довольно, еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру", - воскликнул Иаков.

Род Израиля в количестве шестидесяти шести человек двинулся в Египет и остановился в земле Гесем, у дельты Нила. "Сколько лет жизни твоей?" - спросил у старика Иакова фараон.

"Дней странствования моего сто тридцать лет", - ответил тот и, подняв руку, благословил фараона. Иаков жил еще семнадцать лет и умирая произнес благословение двенадцати своим сыновьям, от которых по соизволению божьему должно было произойти двенадцать колен Израилевых. Иосиф же дождался еще внуков своих и умер ста десяти лет. Перед смертью он выразил желание: если когда-нибудь народ израильский вернется в Ханаан, то пусть заберет с собой его останки и похоронит рядом с Иаковым на земле предков.

Так заканчивается история одной еврейской семьи, лучше сказать, библейский роман об одной семье. Впрочем, заканчивается ли и почему "роман"? Попытаюсь ответить на оба вопроса. "Роман" безусловно заканчивается, ибо не только приключения, но и физическая жизнь обоих главных героев подошли к концу. Не заканчивается история семьи, поскольку двенадцать сыновей Иакова дали в потомстве двенадцать колен Израилевых, а к одному из них, Иуде, восходит, как уже было сказано, родословие Иисуса Христа.

Что же до того, почему я назвал эту историю романом, попробуем разобраться, обратившись к Энциклопедическому словарю. Он гласит: "Роман (фр.) - литературный жанр большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбах отдельной личности в ее отношении к окружающему миру, на становлении, развитии ее характера и самосознания".

И если по объему история Иакова и Иосифа сравнительно небольшая, то уж судьбы героев и становление их личностей воочию проходят на глазах читателя.

А кстати, и роман об истории Иакова и Иосифа тоже написан. Роман полновесный, подлинно эпический, объемом с толстовскую "Войну и мир". Он принадлежит перу одного из крупнейших писателей и мыслителей XX века, немецкого романиста Томаса Манна. В свое время И.В. Гете и Л.Н. Толстой собирались написать на эту тему свои книги, но эти планы остались невыполненными, а вот Т. Манн написал свой роман. Он называется "Иосиф и его братья", и я настоятельно рекомендую вам его прочитать, хотя и предупреждаю заранее, что чтение этой книги - нелегкий труд.

И еще об одном хочется сказать по прочтении этой истории. Странная книга Библия, не так ли? Она позволяет толковать себя с самых разных позиций: с религиозной ли (вот, хитрец и бунтовщик Иаков, искренне любя Бога, Богу и угоден); со светской ли (вот умница и интеллигент Иосиф, несмотря ни на какие препятствия честно пробивает себе путь наверх); даже с воинствующе атеистической, как, скажем, это делал блестящий французский журналист и страстный безбожник Лео Таксиль в своей "Забавной Библии". Позволяет, ничуть от этого не теряя и продолжая оставаться для верующих непререкаемым священным писанием, для всех остальных - сокровищницей идей, образов, творческого и философского вдохновения.

Закончить же главу хочется замечательным стихотворением Анны Андреевны Ахматовой "Рахиль", написанном в 1921 г. Стихотворение это к тому же лишний раз подтверждает, сколь мощное воздействие на писателей, поэтов, художников, артистов оказывают такие древние и в то же время столь современные, т.е. вечные библейские мифы.

И встретил Иаков в долине Рахиль.
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада поднимали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болезнь, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет - словно семь ослепительных дней
Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклинает, и Бога хулит,
И ангелу смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

Вопросы к главе четвертой

1. Что общего в характерах Иакова и Иосифа?
2. Каким образом каждый из них добивается успеха?
3. Почему, как вы думаете, в Библии так много говорится о взаимоотношениях Иакова с Богом, тогда как в истории Иосифа о Боге почти совсем ничего не сказано?
4. Примерный перевод имен главных героев на русский означает: Иаков - Бог сохранит, Иосиф - Бог да умножит, Вениамин - сын боли. Как вы считаете, в данном случае библейские авторы используют так называемые "говорящие" имена? И о чем, если так, рассказывают имена героев этой истории?
5. Иаков - родоначальник двенадцати колен, т.е. племен Израилевых. С древнейших времен "12" - число символическое, сакральное. Какие примеры в жизни, литературе

можете вы привести, в которых это число играло бы важную роль или даже вынесено было бы в заглавие произведения?

Литература к главе четвертой

1. Библия (любое издание. Автор пользовался изданием Библейских комиссий "Духовное просвещение", 1991 г.: В 2 томах. С илл. Г. Дорэ).
2. История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1.
3. Косидовский З. Библейские сказания (любое издание).
4. Гече Г. Библейские истории. М.: Политиздат, 1988.
5. Церен Э. Библейские холмы. - М.: Наука, 1966. (Переизд. М.: Правда, 1986.)

Рекомендуемая литература

1. Манн Т. Иосиф и его братья {любое издание}.
2. Фрэнгер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. - М.: Политиздат, 1986.
3. Таксиль Л. Забавная Библия (любое издание).

Ветхий Завет. Псалтирь. Книга Песни песней

В религиозной жизни и евреев и христиан, пожалуй, наиболее важную роль из всех текстов Ветхого Завета играет Псалтирь, сборник гимнов и песнопений Богу, состоящий из 150 стихотворений. Этот сборник вместе с книгой Песни песней являются наиболее поэтическими из всех текстов Ветхого Завета. Псалмы распевались во время богослужений в храме, читались как молитвы пред иконой, когда человек оставался один на один с Богом. Вообще же, псалмы служат центральным элементом литургии, т.е. церковного богослужения.

Сочинение Псалтири приписывается царю Давиду, создателю древнееврейского государства. Вероятно, ряд текстов действительно принадлежит его перу, но большинство, по мнению ученых, относится к более поздним временам.

Псалом по-гречески обозначает песню, исполняющуюся под аккомпанемент щипкового музыкального инструмента типа арфы или лютни (psalterion - арфа). По содержанию это религиозное произведение, героем которого является Бог. Согласно тому, как автор того или иного псалма рассматривает отношение к Богу всего человечества или отдельного человека, псалмы делятся на различные жанры. Так, ряд гимнов воспевают Господа как создателя всего сущего:

Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес!.. Когда взираю я на небеса Твои, - дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил... (Псалом 8).

Эти гимны воспевают величие царей, среди которых Царь царей - Яхве, Господь Бог. Позже такие псалмы стали относить к образу мессии, т.е. Христа.

Он будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли... И поклонятся ему все цари; все народы будут служить ему. Ибо он избавит нищего, вопиющего, и угнетенного, у которого нет помощника... Будет имя его вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его. И благословятся в нем племена; все народы ублажат его. (Пс.71).

Заманчиво, конечно, увидеть в герое этого псалма Иисуса Христа, как заманчиво поверить в предвозвестие Спасителя в одной из эклог Вергилия, о котором, впрочем, в свое время... Заманчиво, но вряд ли правильно, поскольку, во-первых, цитированный 71 псалом начинается следующими стихами (в Библии строки принято называть стихами, хотя к поэзии они имеют отношение далеко не всегда.)

О Соломоне. Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, Да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде... Во дни его процветает праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна...

Как видим, псалом посвящен царю Соломону, что лишний раз подчеркивается написанием местоимений со строчной буквы, тогда как местоимения Бога неизменно пишутся в Библии с заглавной. Но тем не менее, христиане рассматривают шесть псалмов как подчеркнута мессианские, т.е. предвозвещающие явление миру Христа. Пожалуй, наиболее интересен из них 21 псалом, считающийся мессианским потому, что начальные строки его по преданию произносил Иисус, распятый на кресте:

Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего.

Помимо того, считается, что в этом псалме воспеваются страдания, которые довелось испытать Спасителю.

"Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною; говорят устами, кивая головою: "Он уповал на Господа, - пусть избавит его; пусть спасет, если он угоден Ему". Но Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей... Не удаляйся от меня; ибо скорбь близка, а помощника нет... Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной. Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои... Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий.."

Однако, то что Христос читал эту молитву перед смертью, еще не означает, что псалом посвящен ему. Эти стихи бессмертны в силу точных слов, выражающих великое страдание человека, протест его против смерти вообще, а в данном случае, возможно, против смерти насильственной. Смерть, равно как и любовь - две вечных темы поэзии, в чем мы уже могли убедиться, читая поэму о Гильгамеше, и в дальнейших беседах постоянно будем обращаться к ним. А то, что создатель 21 псалма не одинок в своих чувствах, легко подтвердить на примере. Вот фрагмент стихотворения крупнейшего итальянского скульптора эпохи Возрождения Микеланджело Буонаротти в переводе А.А. Вознесенского.

Я нищая падаль. Я пища для морга.
Мне душно, как джинну в бутылке прогорклой,
как в тьме позвоночника костному мозгу!..
К тому же я глохну. А в глотке щекотно!
Паук заселил мое левое ухо,
а в правом сверчок верещит, как трещотка...
Зачем ты, художник, парил в эмпиреях,
к иным поколениям взвивал свой треножник?!
Все прах и тщета. В нищете околею.
Таков твой итог, досточтимый художник.

Я намеренно привел эти резкие и глубоко пессимистические строки великого итальянца, может быть, и не очень согласующиеся с 21 псалмом, для того чтобы лишний раз показать, как одна и та же тема развивается у разных авторов, внешне непохоже, но по сути чуть ли не идентично. Вспомним об этих стихах и когда обратимся к книге Экклезиаста.

В числе псалмов встречаются плачи, изображающие народные беды или беды группы верующих по поводу каких-либо несчастий (войны, засухи, землетрясения), либо жалобы несправедливо обвиненного человека, либо страдающего какой-нибудь болезнью.

Ряд псалмов представляет собой благодарственные гимны Богу за спасение от перечисленных несчастий.

Величайте Господа со мною, и превознесем имя его вместе. Я взыскал Господа, и Он услышал меня и от всех опасностей моих избавил меня <...> Блажен человек, который уповает на Него! (Пс.33).

Литературная ценность псалмов различна, однако есть среди них такие, что являются несомненными шедеврами. Таков, например, огромный 118 псалом, по содержанию представляющий собой восторженную похвалу закону, как устойчивой нравственной опоре мятущегося человека, а по форме - чрезвычайно сложную конструкцию: он состоит из двадцати двух восьмистиший, на протяжении каждого из которых все стихи начинаются с одной буквы, и так в алфавитной последовательности двадцати двух букв еврейского письма.

Несмотря на то, что сборник озаглавлен "Книга Хвалений", в нем, как вы уже поняли, можно встретить выражение совершенно разных человеческих чувств, и прежде всего, жалобу, буквально крик о помощи:

"Яхве, услышь мольбу мою,
и вопль мой пусть дойдет до Тебя!
Не скрывай Твой лик от меня,
в день бедствия моего
преклони ко мне Твой слух!
Когда взываю я к Тебе,
скоро услышь меня!
Ибо дни мои тают, как дым,
и кости мои горят, как огонь;
сердце мое скошено, как трава, -
позабыл я есть мой хлеб!
От силы стенания моего
присохла к коже моей моя кость...
Каждый день поносят меня враги
и злобствующие бранятся именем моим.
Так, пепел ем я, как хлеб,
со слезами смешиваю мое питье!"

(Пс. 102 в пер. С.С. Аверинцева. Цит. по изд.: История всемирной литературы: В 9 т. М.. Наука, 1983. Т. 1. С. 288)

Пример этот характерен не только с точки зрения жанрового разнообразия псалмов, но и потому, что наглядно демонстрирует качественно новый по сравнению хотя бы с тем же вавилонским эпосом уровень в передаче обнаженного человеческого страдания.

В силу своего личного характера "Псалтирь" занимает в религиозной лирике Ближнего Востока совершенно особое место, поскольку Бог из космической силы превращается здесь как бы в великого утешителя человеческих страданий.

Разумеется, громадная роль псалмов в мировой культуре проявляет себя прежде всего через молитву. Так, христианская лирика с самого своего начала ориентируется на образный строй "Книги Хвалений". На рубеже II и III вв. н.э. гностик (Гностицизм - от греч. "знающий" - религиозное движение поздней античности (I - V вв. н.э.), воспринявшее элементы христианского вероучения, притязующее на "истинное" знание о Боге и конечных тайнах мироздания) Бардесан сам создал на сирийском языке такой же цикл из 150 псалмов, чем дал импульс становлению христианской гимнографии.

В средние века церковная, особенно византийская, поэзия практически полностью настроена на камертон "Псалтири". В качестве примера можно было бы привести строки из творений монахов Романа Сладкопевца или армянского поэта X в. Григора Нарекаци, однако их творчество будет освещаться нами несколько в другом плане и о нем мы поговорим позже.

В Новое время псалмы вдохновляли многих поэтов и прозаиков на переводы и подражания им, нередко среди таковых являя подлинные шедевры, как стихотворения Мартина Лютера, И.В. Гете, Г.Р. Державина, С.А. Есенина. Ниже я предлагаю вам текст 14 псалма и стихотворение замечательного русского поэта пушкинской поры Николая Михайловича Языкова "Подражание псалму XIV", написанное в 1830 г.

Псалом Давида:

Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей?
Тот, кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем;
Кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла, и не принимает поношения на ближнего своего;
Тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит; кто клянется, х о т я бы злему, и не изменяет;
Кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного. Поступающий так не поколеблется во век.

Стихотворение Н. Языкова:

Кому, о Господи! Доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в Бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед Ним.
И свят, о Боже, Твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Велений Господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он - его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу - дивной силой
Дух преисполнится его,

И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба Твоего!

Книга Песни песней Соломона отличается от других библейских текстов прежде всего своей особой поэтичностью, поскольку, вообще говоря, представляет собой не что иное, как сборник свадебных гимнов и песен. Само заглавие выражает лестную похвалу восторженных почитателей: Песнь песней, как Царь царей. Подобным образом современники поступят с великой поэмой Данте и придадут ей эпитет "божественная". С тех пор это произведение так и называется "Божественная комедия".

В Песни песней ощутимо египетское влияние, поскольку на берегах Нила принято было называть возлюбленных братом и сестрой, тогда как в Иудее ничего подобного не было. По всей вероятности, огромный, роскошный, собравший представителей всех наций двор Соломона среди литераторов имел немало египтян.

Итак, в Песни песней два главных действующих лица: жених-пастух - он же царь Соломон, и невеста-пастушка - его возлюбленная Суламифь. Сам ли Соломон написал поэму - неизвестно, однако он остался в народной памяти как царь-мудрец и с тех пор стал неким прообразом книжников и ученых. Несомненно, однако, что фольклорные песни были обработаны высокоталантливым литератором древности.

Свадебная символика многих народов наделяет брачующихся символическими именами царя и царицы, или князя и княгини. Вероятно, такие обряды существовали и в Древней Иудее, поскольку Талмуд (собрание религиозно-этических и правовых уложений древних евреев) свидетельствует, что обряд возложения венца на голову жениха существовал в Иудее до новой эры.

"Свадьба, - пишет крупнейший исследователь зарубежной литературы С.С. Аверинцев, - одна из главных универсалий мифопоэтического мышления, и для мышления этого нет брака, который не был бы "священным браком". А раз так, то знакомство с произведениями, посвященными этому простому и в то же время великому событию в жизни человека нам следует уделить внимание.

Если вы помните, уже говорилось, что древними евреями не был создан эпос, так же как не была создана и драма. Это так, однако некоторые элементы драмы просматриваются именно в Песни песней. Эти элементы драматургии учеными связываются с взаимовлиянием друг на друга Древней Иудеи и Древней Греции, поскольку, судя по языковым признакам, Песнь Песней была литературно обработана в IV или III в. до н.э., т.е. как раз в период наивысшего расцвета афинской трагедии.

Речь идет о том, что Песнь песней не просто собрание свадебных и любовно-эротических гимнов, но произведение, имеющее сквозное действие. Текст этой библейской книги можно условно расчленить на три эпизода. Первый описывает душевную борьбу героини между упоением любви и страхом любви:

Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина... О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас - зелень.

Девушка идет к жениху, расспрашивая о нем встречных и сторожей. Второй эпизод открывается описанием жениха и невесты:

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской... Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока - ланиты твои под кудрями твоими... Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста... Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему... Подойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать в день бракосочетания его, в день радостный для сердца его...

Третий эпизод - кульминация всей поэмы. Невеста грезит, что жених стучится к ней ночью в дверь.

"Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, который стучится: "отвори мне, сестрица моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои - ночью влагою."

Девушка просыпается и во второй раз идет на поиски милого.

Положи меня, как печать, на сердце твое, как печать, на руку твою, ибо сильна, как смерть, любовь, как преисподняя, ревность тяжка!

Сколько раз человечество повторит этот бессмертный афоризм: сильна, как смерть, любовь! (французский писатель XIX в. Ги де Мопассан даже назовет так один из своих романов), но это сопоставление вновь и вновь будет и впрямую и косвенно приводиться и подтверждаться в стихах и прозе старых и новых писателей.

Это - литература, а церкви трактуют Песнь песней по-своему: иудейская видит в ней толкование символических отношений между Яхве и избранным народом, христианская - между Спасителем и церковью.

В заключение процитируем еще раз С.С. Аверинцева и... Пушкина.

"Слова о любви, сильной, как смерть, мы читаем, не ощущая дистанции тысячелетий, - пишет Аверинцев. - Гораздо труднее современному читателю вникнуть в поэтику "Песни песней" в целом.

Влез бы я на пальмы ствол, ухватился бы за ветви ее, -
вместо гроздьев винограда твои сосцы,
как от яблок, запах твоих ноздрей...

В этом мире стан красавицы не просто "подобен" пальме, но одновременно есть действительно ствол пальмы, по которому можно лезть вверх, а сосцы ее груди неразлично перепутались с виноградными гроздьями. Слова древнееврейского поэта дают не замкнутую пластику, а разомкнутую динамику, не форму, а порыв, не расчлененность, а слиянность, не изображение, а выражение, не четкую картину, а проникновенную интонацию. Эта родовая черта сближает "Песнь песней" с лирикой псалмов." (История всемирной литературы, т. 1. С. 290).

А теперь два стихотворения А.С. Пушкина на темы "Песни песней", которые вполне можно расценивать как лучший русский поэтический перевод двух фрагментов из этой книги.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнёт веселый день
И двинется ночная тень.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

1825 г.

Ветхий Завет. Книга Иова

История Иова - история праведника, благочестивейшего патриарха, человека благообразного, глубоко верующего, примернейшего из чад Божьих, отменного семьянина, трудолюбивого, состоятельного и не жадного, который как никто другой имеет право рассчитывать не милосердие и признательность Яхве, - и однако же именно от Яхве получающего тяжелейшие испытания злом и неблагодарностью.

И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана... И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.

И отвечал сатана Господу, и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но прости руку Твою, и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя?

Эта сцена уникальна в мировой литературе не только по своему содержанию, но и потому что послужила образцом, почти слово в слово переложенным в бессмертные стихи И.В. Гете в "Прологе на небесах" в "Фаусте". Чрезвычайно любопытно и изображение в этой сцене образа сатаны, поскольку перед нами здесь вовсе не враг Бога, но противник человека, его искуситель и обвинитель (что, кстати, и означает имя "Сатана").

Итак, сатана по сути ставит перед читателем вопрос: что такое святость - добронравие человека, знающего, что за хорошее поведение полагается награда, или же верность до конца, верность, опора которой только она сама для себя? И Яхве отдает Иова сатане, чтобы проверить, какова же его верность перед лицом испытаний. Сначала у Иова украли его волов и ослиц, затем пожар погубил стадо овец, угнали верблюдов, убили слуг. Затем буря разрушила его дом и обломками убила всех десятерых его детей... В ответ Иов лишь горько молился:

"Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!"

Но высшим силам этого было мало, и они наслали на Иова страшную болезнь - проказу, принялись истязать уже не только душу, но и плоть мученика. К тому же для древнего еврея проказа была не просто безнадежная болезнь, но и скверна, видимый всем знак Божьей немилости, позор. Покрывшись струпьями, Иов сел в пыль и пепел и черепицей стал скоблить свои гноящиеся раны. Тогда пришла к нему жена его и принялась уговаривать Иова отречься от непорочности и высказать Богу свое негодование. Он же отвечал ей:

"Ты говоришь как одна из безумных, неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?"

Услышав о несчастьях Иова, к нему пришли друзья, чтобы утешить его. Не сразу узнав прокаженного, они рыдали над ним, и Иов наконец проклял день своего рождения:

Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: "зачался человек!"... На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?

Друзья высказывают мнение по поводу несчастий, постигших Иова. Елифаз считает, что Яхве безгранично добр и не заставит страдать невинных, значит Иов - грешник:

Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?

- Вернись на праведный путь, - говорит он, - и Бог спасет тебя. Виллад считает, что Яхве не без причины насылает на Иова испытания, и значит несчастному надо покаяться. Софар поддерживает Виллада.

Иов же упорно твердит, что невиновен и не совершил никакого зла. К тому же он не понимает, почему грешники и злодеи живут в довольстве, тогда как с ним, праведником, случилось столько бед.

Тогда в спор вступает прохожий по имени Елиуй. Он осуждает Иова за самооправдание, но и опровергает мнение его друзей о том, что страдания ниспосылаются обязательно за грехи. Да, говорит Елиуй, страдания становятся наказанием за грех, но страдание же может заставить злодея отказаться от нечестивого поступка или остановить праведного, "чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом". Еще Елиуй говорит, что мудрость Бога непостижима, а справедливость неоспорима:

Бог высок могуществом своим, и кто такой, как Он, наставник? Кто укажет Ему путь Его, кто может сказать: "Ты поступаешь несправедливо?"

И тогда, после слов Елиуя раздался глас Бога:

Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне:

Где ты был, когда Я полагал основание земли? Скажи, если знаешь?

Кто положил меру ей... Или кто протягивал по ней вервь?..

Кто затворил море воротами, когда оно исторглось?..

Давал ли ты когда в жизни своей приказание утру и указывал ли заре место ее, чтобы она охватила края земли и страхнула с нее нечестивых?

.. Нисходил ли ты во глубину моря, и входил ли в исследование бездны?..

Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной?

Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это.

Где путь к жилищу света, и где место тьмы?..

Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя?..

Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?..

Надо всем в мире царит Бог, его мудрость, его воля, его справедливость. Здесь Иов не нашелся, что возразить:

Вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои.

Иов смиренно покаялся, и Бог смилостивился над праведником своим; удвоив, вернул ему богатства, дал новых детей и подарил долгую жизнь.

Книга Иова относится к числу наиболее значительных в Ветхом Завете. Она оказала колоссальное влияние на мировую литературу, а на русский классический роман в особенности. Проблема зла, поставленная в ней, является вечной, неразрешимой с помощью философии и теологии. Действительно: как можно согласовать царящие в мире зло и грех с милосердием и всемогуществом Бога? Ведь с человеческой точки зрения, если Бог может воспрепятствовать злу, но не делает этого, то милосердие его не безгранично. Если же он хочет воспрепятствовать, но не может, значит, всемогущество его ограничено. Книга Иова отказывается, таким образом, от представления о том, что Бог за добро вознаграждает добром, а зло наказывает страданием.

Обратимся вновь к анализу этого текста, предлагаемому С.С. Аверинцевым.

"С ним (Иовом - В.Р.) случается то, что через тысячелетия придется испытать шекспировскому королю Лиру: личное страдание открывает ему глаза на весь мир общественной неправды, он замечает маяту узников и рабов, от которой они смогут отдохнуть только в смерти, уравнивающей их с мучителями.

У сирот уводят осла,
у вдовы отнимают вола в залог;
сталкивают с дороги бедняка,
должны скрываться все страдальцы земли!..
Нагими без покрова ночуют они,
и нет им одежды в холода;
под дождями мокнут они в горах,
к скале жмутся, ища приют...

Иов не отрекается от веры в правду как сущность Яхве и основу созданного им мира; но тем невыносимее для него вопиющее противоречие между этой верой и очевидностью жизненной неправды. Поставлен вопрос, на который нет ответа, и это мучает Иова несравненно тяжелее, чем все телесные страдания. Чтобы как-то успокоиться, ему надо либо

перестать верить в то, что должно быть, либо перестать видеть то, что есть; в обоих случаях он выиграл бы пари Сатане. Первый выход ему предлагает жена:

Ты все еще тверд в простоте твоей?
Похули Бога - и умри!

Второй выход - слепо верить в то, что добродетель всегда награждается, а порок всегда наказывается, и, следовательно, принять свою муку как возмездие за какую-то неведомую вину - рекомендуют трое друзей Иова... И вот в чем парадокс: трое мудрецов добросовестно выкладывают то, чему их учили, и им кажется, что они отстаивают дело и честь Бога, как его адвокаты, между тем как на деле они солидарны с Сатаной, ибо так же, как и он, обуславливают служение Богу надеждой на награду.

Жалобы Иова - приговор не только трем друзьям, но и всему духовному миру, стоящему за ними, той самодовольной мудрости, которая разучилась ставить себя самое под вопрос. Эта мудрость - не мудрость; настоящую мудрость только предстоит отыскать, но куда направлять поиски? Человек умеет разведывать потаенные залежи руд, но потаенную мудрость он не научился выносить на свет. Совсем как в знаменитом первом стасиме (хоровой песни) "Антигоны" Софокла (Софокл - великий древнегреческий драматург. О нем подробнее см. во второй части нашего пособия. - В.Р.), мощь технических достижений человека противопоставлена его немощи перед лицом проблем собственного духа:

С гранитом борется человек,
исторгает он корни гор,
прорезает проходы в скале -
и все самоцветы открыты оку его;
он сдерживает напор родников
и сокровенное выносит на свет!
Но мудрость - где ее обрести
и где разумения копь?
Человек не знает к ней стезю,
и ее не сыскать в земле живых.

...Диалог (Иова с тремя друзьями - В.Р.) проходит три круга, каждый из которых построен симметрично (речь Иова - ответ Елифаза - речь Иова - ответ Вилдада - речь Иова - ответ Софара) (...)

Бог все время как бы стоял за плечами спорщиков; теперь он сам, в свой черед, берет слово. Но слово это не отвечает ожиданиям читателя. Мы готовы к тому, чтобы Яхве, как *deus ex machina* (Бог из машины - театральная прием древнегреческих авторов, когда высшие силы появляются перед зрителями в самом неоживанном месте. - В.Р.) в античной трагедии, взял на себя труд все объяснить и растолковать; и как раз этого он не делает... Надо полагать, испытание праведного страдальца еще не кончилось: ибо, хотя Яхве не оставил его вопль нерасслышанным и явился для разговора с ним, вместо ответа необычайный собеседник забрасывает Иова все новыми и новыми вопросами. Что все это значит? Не стремится ли Яхве попросту заткнуть человеку рот, явив свое неизреченное величие? В контексте книги такое понимание не дает смысла, и притом просто потому, что в величии Яхве Иов не сомневался ни на одну минуту... Значит, мы должны предположить в этой части "Книги Иова" иной, более тонкий смысл. Обращенные к Иову вопросы направлены на то, чтобы насильственно расширить его кругозор и принудить его к экстатическому изумлению перед тайнами мира, которое перекрыло бы его личную обиду. Вспомним, что Сатана при заключении пари поставил под вопрос не что иное, как именно возможность человеческого бескорыстия, - а что может быть бескорыстнее, чем такое изумление, в котором человек забывает самого себя?... Если греческий мыслитель Протагор, может быть, в эту же эпоху (V в. до н.э. - наиболее вероятная датировка "Книги Иова") назвал человека "мерой всех вещей",

то здесь (в словах Бога - В.Р.) возникает картина Вселенной, для которой человек и все человеческое как раз не могут служить мерой (...)

Ни на один из своих вопросов Иов не получил ответа. Но в его душе наступает катарсис (по гречески - очищение. Термин великого мыслителя Древней Греции Аристотеля, означающий очищение духа при помощи страха и сострадания -В.Р.), не поддающийся рассудочному разъяснению. Его воля не сломлена, но он по доброй воле отступает от своего бунта. Яхве перестал для него быть бессмысленной прописной истиной и стал живым образом, загадочным, как все живое. Именно это для Иова важнее всего - что он знает о Яхве не с чужих слов, а видит сам:

Только слухом слышал я о Тебе;
ныне же глаза мои видят Тебя!"

"Книга Иова" как бы подытоживает центральную для ближневосточной древней литературы проблематику смысла жизни перед лицом страдания невинных и передает ее европейской литературе. Мучения Иова как бы вечно живы и с течением времени только усиливаются. Разные оттенки главной мысли книги терзают умы писателей и теологов: для средневекового сознания главным были афоризмы "Бог дал, Бог и взял - благословенно имя Господне!" и "Приемлем мы от Бога добро - ужели не примем от Него зло?", в Новое время тематику "Книги Иова" разрабатывали крупнейшие авторы Ренессанса испанец Луис де Леон, великий Шекспир, уже упоминавшийся Гете. Исключительно же велико ее значение для русского романа прошлого века, особенно для творчества Ф.М. Достоевского. С ней впрямую связана проблематика его вершинного романа "Братья Карамазовы", она звучит и в воспоминаниях старца Зосимы, и в протестующем вопле Ивана: "Я не Бога не принимаю... я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять... Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ", и даже в самой приятности мира Алешей, которое мыслится как приятие по ту сторону неприятия, как аналог финала "Книги Иова".

Завершим разговор еще одной цитатой - фрагментом большого стихотворения известного писателя и поэта, лидера русского символизма Д.С. Мережковского "Иов".

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури.
Иов лежал пред лицом Иеговы во прахе и пепле:
"Вот я ничтожен, о, Господи! Мне ли с Тобою бороться?
Руку мою на уста полагаю, умолкнув навеки".
Но против воли, меж тем как лежал он во прахе и пепле -
Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.
Бог возвратил ему прежнее счастье, богатство умножил.
Новые дети на празднике светлом опять пировали.
Овцы, быки и верблюды во долинах паслись безмятежных.
Умер он в старости, долгими днями вполне насыщенный,
И до колена четвертого внуков и правнуков видел.
Только в морщинах лица его вечная дума таилась,
Только и в радости взор омрачен был неведомой скорбью.
Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды, -
Правды Господь никому никогда на земле не открывает.

Вопросы к главе шестой

1. Как вы думаете, почему Бог согласился вступить в спор с Сатаной и кто в этом споре одержал верх?
2. В чем главное отличие Иова от других библейских персонажей, например, от Иакова и Иосифа?
3. Как бы вы поступили на месте Иова?
4. Если Иван Карамазов не приемлет Божий мир, а старец Зосима приемлет, то что же Иов? Иов любит своего Бога, а мир-то Божий приемлет ли в существе своем?

Литература к пятой и шестой главам

1. Библия (любое издание).
2. История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т.1. С. 286-295.
3. Гече Г. Библейские истории. М.: Политиздат, 1990.
4. Рижский М.И. Книга Иова. Новосибирск: Наука, 1991.

Рекомендуемая литература

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы.
2. Куприн А.И. Суламифь.

Ветхий Завет. Экклезиаст

Если "Книга Иова" ставит перед человечеством неразрешимую проблему и заставляет биться над ней лучшие умы (Пушкин говорил, что в этой книге заключена "вся человеческая жизнь", а знаменитый датский философ Кьеркегор утверждал, что в речах библейского страдальца больше мудрости, чем во всей философии Гегеля), то Экклезиаст решает загадку бытия в однозначно пессимистическом ключе. Если "Книга Иова" близка по духу к античным трагедиям, то Экклезиаст производит впечатление соратника греческим стоикам и эпикурейцам. (Стоицизм - направление в античной философии, основанное мыслителем Зеноном, согласно которому мудрый человек должен следовать бесстрастию природы и любить свой "рок". Стоический - значит мужественный, терпеливый, стойкий в жизненных испытаниях.)

Эпикуреизм - философское течение, основанное древнегреческим мыслителем-материалистом Эпикуром. Девиз Эпикура - живи уединенно. Цель жизни - отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа. Познание природы освобождает от страха смерти, суеверий и религии вообще.)

Созданная в конце IV или в III в. до н.э., книга Экклезиаста представляет собой своего рода духовную автобиографию автора (имя Экклезиаст переводится приблизительно как Проповедующий в собрании, что дает возможность представить себе мудреца, поучающего в беседах кружок учеников), исповедь человеческой души. Исповедальная литература берет начало, вообще-то, с IV в. н.э., с книги крупнейшего религиозного мыслителя и писателя Аврелия Августина и развивается затем в не менее знаменитых книгах Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого, однако истоки ее мы находим именно в Библии, в книге Экклезиаста.

Автор не стремится создать о себе связный рассказ, располагая свои заметки и стихи без всякой системы. Великолепные афоризмы Экклезиаста стали пословицами и вошли в живую речь не только современников, но и в нашу с вами.

Суета сует, сказал Проповедник,
суета сует и все - суета!
Что пользы человеку от труда его,
которым он трудится под солнцем?
Поколение уходит, поколение приходит,
а земля пребывает вовеки.
Восходит солнце, заходит солнце,
возвращается вспять и вновь восходит.
Идет на юг, обращается на север,
кружит, кружит на пути своем ветер -
и на круги свои возвращается ветер.
Все реки текут в море, но не полнится море;
и от истока реки текут снова...
Что было, то будет,
что вершилось, будет вершиться,
и ничего нет нового под солнцем...
(Пер. С.С. Аверинцева)

Здесь можно увидеть, что автор жалуется на миропорядок, на стабильность вселенной. То, что для греческих мудрецов было предметом восторга, вызывает в древнем еврее глубокую печаль. Вечный круговорот, вечное возвращение природных циклов казалось Пифагору возвышенной тайной бытия. Экклезиаст видит в том же пустую бессмыслицу.

Что ищет Экклезиаст? Во всяком случае, не мировую гармонию, она-то и вызывает у него глубокий скепсис. Кажется, ищет он мировой смысл. В Боге он не сомневается, он сомневается в религии, поскольку религия тоже человеческая деятельность, а значит и человеческая суета. Естественно, что составители библейского канона долго сомневались, стоит ли включать в него книгу Экклезиаста. И, включив, подарили человечеству один из бессмертных шедевров мировой литературы.

Итак, человеческая жизнь по Экклезиасту. Ничто не может осчастливить человека.

Стремление к мудрости? Счастлив гетевский Фауст, он может поверить если не в мудрость знаний, то в радость самого бытия! Увы, для Экклезиаста такое счастье невозможно, ибо "мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увь! мудрый умирает наравне с глупым".

Богатство? Еще больше печали приносит человеку состояние, ибо страшится он потерять его, либо в конце концов передать тому, кто не приложил к этому никакого труда: "И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня... не трудившемуся в том..."

Знания? "Человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого".

Женщины? "И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она сеть, и сердце ее - силки, руки ее - оковы".

Общественная жизнь? В ней царит зло, несправедливость: "И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет".

Вера? "Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем".

Надежда на воздаяние в потустороннем мире? "Участь сынов человеческих и участь животных - участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все - суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах". Но если жизнь такова, то не стоит и рождаться: "И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем".

А если уж рожден, то смирись с судьбой, прими жизнь такой, как она есть, не терзайся будущими гамлетовскими вопросами:

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Что благородней: духом покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы,
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?

Нет, "во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое создал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против него".

"Не будь слишком строг, и не выставляй себя слишком мудрым... Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время?", т.е. потерпеть наказание за грехи. Только золотая середина может принести человеку равновесие и покой в этом мире.

И все же "псу живому лучше, чем мертвому льву". Почему? Потому что живого от мертвого отличает хоть какая-то надежда. Посему живи и не упускай радостей жизни. Или, как сказано русским поэтом:

Мертвый в гробе мирно спи,
Жизни радуйся живущий.

И тем не менее, главный лейтмотив книги - суетность, преходящесть всего сущего.

"Не случайно Толстой так часто цитирует Экклезиаста в своей "Исповеди", - пишет в капитальном труде "История религии" протоиерей Александр Мень. - Он сам прошел путь, проделанный иудейским философом, и в конце его неотвратимо встал роковой вопрос: "А что же дальше?" Такова природа человека, он не способен довольствоваться преходящим и жаждет чего-то безмерно большего."

После Экклезиаста становится бесспорно ясным, что преходящее истинного блага в себе не содержит. Куда же идти? Индийские и древнегреческие философы пошли в направлении аскезы, отрешенности, искали ответ в запредельном. Иудейская мысль спустя несколько столетий придет к христианству, в котором найдет ответы на мучительные вопросы и обретет путь к спасению.

Вопросы к главе седьмой

1. Что такое пессимизм и почему Книга Экклезиаста считается одним из первых шедевров мировой пессимистической мысли?
2. Книга Экклезиаста является одним из истоков исповедальной литературы. Что такое исповедь и в чем исповедуется Экклезиаст?

Литература

1. Библия (любое издание)
2. История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1.
3. Мень А. История религии: В 7 т. М.: Изд-во Советско-Британского СП "Слово", 1992. Т. 6.
4. Гече Г. Библейские истории. М.: Политиздат, 1990.

Рекомендуемая литература

1. Августин Аврелий. Исповедь.
2. Ж.-Ж. Руссо. Исповедь.
3. Л.Н. Толстой. Исповедь.

Ветхий Завет. Ветхий Завет в истории мировой литературы

Священное Писание для иудеев, Ветхий Завет для неверующих по-своему также священная книга, ведь она являет собою неисчерпаемую культурную сокровищницу. Поколениями художники, скульпторы, поэты, писатели, мыслители обращались к его бессмертным образам.

Уже отмечалось воздействие книги Иова на русский классический роман, упоминали мы и о том, какие чувства вызывала история Иакова и Иосифа у Гете, Толстого, Т. Манна, говорили об очаровательной повести А.И. Куприна "Суламифь", созданной по мотивам "Песни песней" и отчасти "Книги Царств".

Но это малая толика. Откройте любое из классических художественных произведений XIX века, и хотя бы в виде эпитафии, но встретите упоминание о Библии, пройдите по залам любой картинной галереи, и вы увидите бесчисленное множество полотен, скульптур на библейские сюжеты, ибо вся без исключения европейская и американская классика пронизана образами, мотивами, намеками, отсылками из Библии.

Разумеется, невозможно указать их все, даже большую часть, только малую толику. Каждому нужно самому прочесть да и перечесть Библию, чтобы свободно ориентироваться в пространстве мировой культуры. Ведь как же без знания Ветхого Завета понять, например, творения Микеланджело, его "Давида" и "Моисея", его фрески на потолке Сикстинской капеллы? или полотна Рафаэля, или...

Как бы ни относились художники к Библии, истово верили ли, смеялись ли над ней, как французский карикатурист Жан Эффель - так или иначе все они обращались к ее темам, образам, откровениям.

Мы говорили и о внутренней противоречивости, даже парадоксальности Библии. Или скажем об одном из парадоксов сейчас. Действительно, иудейская культура в силу своего монотеизма не создала эпических поэм, драматических произведений. Но что такое "Книга Иова", как не величайшая трагедия и что такое сама Библия, как не грандиознейший эпос?

Если знаменитые эпические поэмы Гомера (но не творчество Гомера в целом), о которых подробный разговор впереди, представляют собой, в сущности, только замкнутый в самом себе эпизод из легендарных преданий эллинов, причем вся их эстетическая специфика зиждется как раз на этой замкнутости, то в Библии господствует дилатационный ритм

исторического движения, которое не может замкнуться и каждый отдельный эпизод которого имеет свой подлинный и окончательный смысл лишь по связи со всеми остальными.

Да, исторические, археологические и лингвистические открытия ученых доказали, что Библия не родилась на пустом месте, но вобрала в себя все лучшее, что имело человечество ко времени ее создания (шумеро-вавилонские мифы, литературу Древнего Египта, а на поздних этапах и эллинскую культуру), а затем, в свою очередь, пропитывала уже своими образами, идеями, мотивами и сюжетами весь мир.

О всемирном потопе и его прямой связи с поэмой "О все выдавшем" мы упоминали в первом разделе этого пособия, такую же аналогию с эпосом о Гильгамеше можно увидеть и на ветхозаветных страницах, описывающих плач Давида над Ионафаном.

Но разве только в искусстве и литературе отразилась эта книга? А в живом языке, в бесчисленных крылатых словах, афоризмах, пословицах!..

Вот, к примеру, израильский царь Ахав, выслушав похвальбу дамасского царя Венадада, сказал его послу: "Не хвались, надевая доспех, а хвались, снимая доспех". Не то же ли по-русски: "Не хвались, идучи на рать..."?

Или пример другого рода. Пророк Амос говорит:

Вы, что суд превращаете в яд,
и правду повергаете во прах,
гнетете бедняка
и поборы хлебом берете с него...

Две с половиной тысячи лет спустя в "Гамлете" чеканными стихами Шекспир повторит эти слова:

...Кто снес бы униженья века,
Позор гоненья, выходки глупца,
Отринутую страсть, молчанье права,
Надменность власть имущих и судьбу
Больших заслуг перед судом ничтожеств?..

Или те же псалмы. Ведь не только переводы и подражания вызвали они у многочисленных поэтов. "Книга Хвалений" породила и огромное творение армянского средневекового поэта Григора Нарекаци "Книгу скорбных песнопений", фрагментом которой мы и закончим первую часть этого труда.

Библией, и ничем иным порождена и символика ужаса, такого знакомого нам по литературе и кино XX века жанра "хоррор", ужаса, внушаемого человеку вечно загадочной природой. Вот только один образ, образ Левиафана,

от чоха которого блистает свет,
и глаза его, как вежды зари...
Из пасти его реет огонь,
искры разлетаются вокруг нее...

Конечно, современному человеку, пуганому Брэмом Стокером и Стивеном Кингом, трудно испугаться этой, наивной, в общем-то, картинке, но две с половиной тысячи лет назад ни Стокеры, ни Кингов еще не знали.

А мы с вами легко догадываемся, чей образ описывается здесь под именем Левиафана, не правда ли?

Конечно, это же знаменитый и любимый с детства по русским и зарубежным сказкам, по Булычеву и Толкину, дракон, Змей Горыныч!

Библейские авторы - великие спорщики. Жалобы Иова спорят с Софоклом и Протагором, Экклезиаст с Пифагором.

Библейские авторы - великие суфлеры, подсказчики идей, тем, образов, выражений. Тот, кто читал роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита", наверное, не забыл одной из его центральных мыслей, высказанной Воландом Маргарите: "Никогда ни у кого ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас". Эта мысль подсказана русскому писателю библейским пророком Иешуа бен-Сиром, иначе, Иисусом, сыном Сираховым. Он говорил: "Не входи в общение с тем, кто сильнее и богаче тебя. Если ты выгоден для него, он использует тебя, а если обеднеешь, он оставит тебя".

Но довольно примеров, им поистине "несть числа" (выражение, кстати, тоже библейское). Библия - не только Священное писание, это еще и литературный памятник, всечеловеческая книга.

Один из крупнейших мыслителей и историков нашего века, Карл Ясперс, назвал ее время центральным, "осевым временем человечества", временем великих пророков Востока и Запада, как бы сгорившихся родиться в библейских временных пределах и задавших будущему свои вечные неразрешимые вопросы. Вот с тех пор люди и книги и отвечают на эти вопросы. И задают свои. Темы Библии вечны и всегда новы. Существует такая достаточно спорная и в то же время точная мысль: ничего нового в мире со времен Евангелий не сказано. А ведь Евангелия, часть Нового Завета, тоже книги библейские. Впрочем, о христианских откровениях мы еще поговорим в свое время, а пока наша литературная тропинка ведет нас в прекрасный солнечный мир эллинской культуры, во вторую часть этой книги.

А первую, как обещано, заканчиваем суровыми и вдохновенными строками "Книги скорбных песнопений" Григора Нарекаци, армянского монаха X века.

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЦА

Я обращаю сбивчивую речь
К Тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым камины души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.
Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов

К Тебе, всемилосердный, вознесется!
Когда перед Тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неуютной,
Как стон Иакова в краю глухом
Иль попиранье Твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в писании Святом.
Мой дар Тебе пусть будет всеблагодару
Угоден.
Пусть Тебя он убожит,
Как дым кадилиц в скинии Селона,
Которую воссоздал царь Давид.
Кивот, освобожденный от плененья,
Давид поставил там на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

(Пер. Н. Гребнева).